

Дарья Донцова

Версаль ПОД ХОХЛОМУ

ЭКСМО

Детектив на диете Татьяна Сергеева

Дарья Донцова
Версаль под хохлому
Серия «Татьяна Сергеева.
Детектив на диете», книга 12

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2979675
Дарья Донцова. Версаль под хохлому: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-52408-2*

Аннотация

Почему за все в жизни рано или поздно приходится расплачиваться? Соседка Лариса помогла Татьяне Сергеевой с ремонтом квартиры, в хвост и в гриву гоняя нерадивых работников, и тут же сама прибежала за помощью! Пришлось Танюше приютить в своем гнездышке двух Лариных братьев, изобретателей-самоучек: один придумал никогда не теряющиеся носки, другой – средство для исполнения желаний. К счастью, благодаря новому заданию Танечка редко бывает дома! Она должна доказать: скромный композитор Леонид Маркелов, тихо-мирно кропающий свои душераздирающие симфонии, невиновен в убийстве жены-миллионерши Ники и ее бывшего мужа Виктора. От дочери Ники Таня узнала то, что перевернуло расследование с ног на голову: оказывается, бизнес-леди тщательно скрывала от Виктора грешок молодости – их первого ребенка она бросила прямо в роддоме!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	38
Глава 5	49
Глава 6	59
Глава 7	74
Глава 8	83
Глава 9	94
Глава 10	104
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Дарья Донцова

Версаль под хохлому

Глава 1

Почему, съев на ночь два стограммовых шоколадных батончика с запахом орехов, к утру поправляешься на три кило?

Я в задумчивости посмотрела в окошечко весов, где чернела совершенно неправильная, на мой взгляд, цифра, и сошла на пол. Если сто граммов умножить на два, то сколько у нас получится? Я, конечно, не великий Пифагор, но с подобной задачей способна справиться. Давайте включим логику. Если вы слопали в кровати чуток сладкого, то поправиться вообще нельзя – все шоколадки ушли на погашение энергозатрат сна. Думаете, лежа под одеялом, вы не расходуете килокалории? Ан нет! Организм поддерживает температуру, сердце бьется, легкие дышат, печень трудится – на все необходимо топливо. Значит, я просто неправильно встала на весы.

Отлично знаю: надо поместить пятки около вон той царапины, а большими пальцами ног коснуться окантовки площадки, и цифра будет чуть меньше. Ну-ка... Приняв нужное положение, я замерла. Стрелка быстро ушла на деление

вправо. Да этого просто не может быть!

Я вернулась на коврик, вытащила две невидимки из волос, с шумом выдохнула, задержала дыхание и снова аккуратно встала на весы. Мистическим образом результат остался прежним. Что ж такое... А-а, сообразила. Крохотные шоколадки совершенно ни при чем, наверняка разрядились батарейки у весов, вот они и шалят. Днем забегу в торговый центр и куплю новые источники питания.

Успокоившись по поводу веса, я поспешила на кухню. Ну и почему я так разнервничалась из-за мифических лишних килограммов? Я же знаю, что их нет. Если тщательно соблюдаешь диету, то не потолстеешь. А еще в моей квартире только что закончился ремонт, который тянулся бог знает сколько времени. Можно ли заплыть жиром в такой ситуации? Последние месяцы превратились в вялотекущий кошмар. Я возвращалась с работы поздно, заглядывала в комнаты, где разбитные украинки Света и Кристина трудились весь день, и каждый раз обнаруживала: они опять намудрили с краской. Сколько раз объясняла им про оттенок слоновой кости, а потом сама тестировала разные варианты «коктейлей», и все без толку. Выберешь подходящий тон, уедешь в самом радужном настроении на службу, а вернувшись домой около полуночи, видишь, что цветом стены твоей спальни смахивают на кирпич, подхвативший желтуху. Конечно, сравнение некорректно, строительный материал не может болеть гепатитом, но как еще описать немыслимый оранжево-желто-зе-

ленный колер, в который неумехи выкрасили стены? Увидев, во что гастарбайтерши превратили комнату, я лишилась дара речи. А говорливые малярши моментально застрекотали:

– Хозяйка, работу надо принимать днем, сейчас освещение неправильное.

– Таня, тут одна лампа висит, при слабом свете трудно оценить колеровку.

– Ложись спать, утро вечера мудренее.

– Мы свое дело знаем, все нами обычно довольны.

Самое интересное, что ушлые бабенки оказались правы – в лучах света комната стала выглядеть иначе – ну да, гепатит исчез, зато появились явные признаки желудочного заболевания, вульгарно именуемого поносом.

– Ну? Супер? – заулыбалась Кристина. – Мы ж тебе гутарили, днем шикарно будет!

– Занавесочки купишь, тюлю повесишь, люстру пятирожковую... – мечтательно пропела Света. – Соседи от зависти лопнут!

Чтобы не швырнуть в искренне довольных собой малярш что-нибудь тяжелое, я выскочила на лестницу и там зарыдала.

Только не надо считать меня истеричкой, которая заливается слезами по любому поводу. Дело в том, что поводов было много. Очень много!

До отделочниц-дальтоники (хотя наука и утверждает, что женщины никогда не страдают данным заболеванием) в мо-

ей несчастной квартире работали косорукий электрик Жора, вечно глупо хихикающий сантехник Сережа и мрачный плиточник Игорь. Каждый из них отличился, внес свою лепту. Жора ухитрился намудрить с розетками: мало того, что они очутились не там, где я хотела, так еще одна часть из них не работала, а другая выводила из строя подключенные к ним приборы. Сережа изловчился соединить унитаз с мойкой на кухне. Только не спрашивайте, как он достиг столь волшебного эффекта. Но факт остается фактом: если я наполняла чайник, то в сортире сама собой спускалась вода. Ну просто триллер под названием «Бачок, который оживает в полночь»! Игорь почему-то не понял, что кафель надо подбирать по рисунку. По бордюру в ванной оказались выложены хвосты рыбок, их плавники и головы скопились в середине, а туловища красовались по низу.

– Ничего, хозяйка, – меланхолично произнес плиточник, увидев, что я от негодования покрываюсь красными пятнами, – рыбешки есть у всех, а у тебя эксклюзив получился. Прямо этот, как его, Пикассо! И плитка осталась. Хочешь я тебе за недорого ею еще и балкон оформлю?

Теперь, надеюсь, вы понимаете, почему я залилась слезами отчаяния, увидев вдохновенную работу украинок-неумех?

Не знаю, как бы дальше шел ремонт, но в тот момент, когда по моему лицу потоком бежали слезы, дверь квартиры рядом распахнулась, и на пороге появилась светловолосая

женщина.

– Чего, соседка, ревешь? – безо всяких предисловий поинтересовалась она.

Я переехала в новую квартиру недавно¹ и не успела познакомиться ни с кем из обитателей дома. Но, видно, ремонт на корню уничтожает ваши нервы и самообладание, раз я совершенно неожиданно для себя вывалила все свои беды.

– Тебя как звать? – спросила собеседница.

– Таня, – устало ответила я.

– А я Лариса. Вот и познакомились, – улыбнулась блондинка. А затем скомандовала: – Стой тут и молчи.

Я замерла на месте, а Лариса вихрем внеслась в мою квартиру и сказала... нет, проорала... провизжала... Извините, не могу привести здесь ее слова. Во-первых, они совсем даже не литературные, а во-вторых, половину оборотов я не поняла. Зато Света с Кристиной чудесно все поняли и в ответ сами зарыдали с подвыванием.

– Ты на работу ходишь? – спросила Лариса, выскакивая назад на лестницу.

– Ага, – ответила я.

– Ну и катись, – приказала она.

Не понятно, почему, но я подчинилась. А когда вечером пришла домой, не узнала свою квартиру. Стены радовали

¹ О том, как Таня Сергеева рассталась с Димоном и членами его семьи, рассказывается в книге Дарьи Донцовой «Шекспир курит в сторонке», издательство «ЭКСМО».

глаз цветом слоновой кости, розетки переехали туда, где было намечено по плану, унитаз и мойка более не существовали счастливой парой, а в ванной уже собирал инструменты Игорь, успевший за короткий срок разрушить «шедевр Пикассо» и сложить рыбок в единое целое.

– Как ты это проделала? – охнула я, глядя на Ларису, которая сидела на кухне и с наслаждением пила кофе.

– У меня талант общения с представителями племени жопуриков. Это особый вид человекообразных, ареал распространения – везде, любимая среда обитания – строительный бизнес, не понимает ни одной фразы, если она начинается со слов «пожалуйста» или «будьте любезны». Ты как маляршам про цвет объясняла?

Я пожала плечами.

– Обычно. Девочки, пожалуйста, смешайте...

Лариса не дала мне договорить.

– Вот, а надо иначе! Эй, вы, уродки, наплескайте этого, добавьте того да разболтайте! Неровно ляжет – я из вас салями нашинкую, ни копейки не получите! Примерно так.

Я села на табуретку и сгорбилась.

– Все будет хорошо, – пообещала Лариса.

С того дня Лара регулярно заглядывала ко мне для, как она говорила, «профилактической клизмы», и ремонт потек без сучка без задоринки.

Вчера последний рабочий покинул мои хоромы, и я наконец-то осталась одна. Теперь предстояло решить другие про-

блемы: разобрать узлы, коробки и купить массу вещей. Ну, например, посуду. Мои чашки-тарелки погибли при переезде – грузчики уронили один ящик, причем, как вы понимаете, не с книгами, а с сервизом. Так что пока мне приходится пользоваться одноразовой посудой. Хорошо хоть у меня есть мебель и электроприборы.

Из прихожей донесся звонок мобильного, я, спотыкаясь о коробки, побежала туда, увидела на дисплее имя «Лиза» и быстро спросила:

– Меня уже ищут?

– Пока нет, – ответила Лизавета, – но скоро начнут. Антон приедет минут через двадцать.

– Несусь! – выкрикнула я и поспешила в ванную, временно исполняющую еще и функции гардеробной.

Моя новая квартира замечательная – большая, светлая, кухня просто огромная, ванная тоже, полно подсобных помещений, но самое главное, она расположена в пяти минутах ходьбы от офиса. Здоровенный джип я держу на служебной парковке, мне теперь не надо тратить время на дорогу на работу и обратно, можно поспать лишний часок.

Я живо оделась, схватила сумку, выскочила на лестничную площадку и наткнулась взглядом на керамический горшок, из которого торчала сухая ветка с одним-единственным зеленым листочком. Неожиданно мне стало жаль несчастное растение. Оно появилось здесь на подоконнике неделю назад – кому-то из жильцов дома, видимо, надоело, и тот выста-

вил его вон – и тогда выглядело весело: мелкая зелень делала деревце похожим на шар. Потом вдруг стало терять листву и вскоре, похоже, умрет. Ни куст, ни дерево не ощущают боль, тоску или страх. Но я на секунду представила себе, что являюсь вот этим деревцем, жила в квартире, меня любили, а потом бац – выгнали. Глупо, конечно, но я от всего сердца посочувствовала погибающему, взяла горшок, отнесла в ванную, тщательно полила землю, а затем установила его в кухне на окне. Я никогда не разводила комнатные растения и терпеть не могу букеты. Все мои знакомые знают: чтобы сделать мне приятное, надо не цветы дарить, а принести коробочку шоколадных конфет.

Сама не понимая, что подвигло меня на «усыновление» сироты, я наконец отправилась на службу.

С неба сыпалась колкая ледяная крупа, но я не успела замерзнуть, потому что, выйдя из подъезда, сразу завернула за угол, перешла дорогу и очутилась у входа в офис. Мало кому известно, что в неприметном, невысоком доме, безо всякой вывески у двери, находится штаб-квартира бригады, занимающейся расследованием особо запутанных дел.

Первой мне в коридоре попала Лиза, она радостно заявила:

- Молодец, ты первая!
- Неужели и Костика нет? – поразилась я.
- Он не считается, – ответила Лизавета. – Костя тут корни пустил.

И это правда. Наш Константин – человек-компьютер, мужчина-айпад, симбиоз программиста и кучи гаджетов. Где Антон Котов², начальник бригады, отрыл парня, я понятия не имею. У нас не любят рассказывать подробности своей биографии, но я подозреваю, что Антон нашел юное дарование еще в детском саду, тщательно за ним присматривал, а потом, когда добру молодцу исполнилось лет двенадцать, привел его в офис. Хотя умом-то я понимаю, что Рыкову все-таки стукнуло восемнадцать, иначе бы он не имел права на полный рабочий день. Просто выглядит Костик подростком. И всегда одинаково одет – в замызганные джинсы, кроссовки и майку. Правда, иногда он натягивает поверх нее безразмерный свитер, а на голову черную бейсболку. Полагаю, семьи у Кости нет. Придешь на работу в шесть утра, он возится со своими компьютерами. Уходишь за полночь – он сидит. В офисе есть три комнаты для отдыха. Вернее, их было три – теперь одна навсегда оккупирована Костей. По-моему, Рыков вообще не покидает контору. Во всяком случае, я никогда не видела его на улице и не слышала от него слов: «Вчера после работы ходил в кино».

– Таня на месте? Отлично! – сказал Антон, выходя из лифта в сопровождении незнакомой мне женщины. – Где Егор?

– Прибудет через секунду, – отрапортовала Лизавета, –

² О том, как Таня Сергеева оказалась в бригаде Антона Котова, читайте в книге Дарьи Донцовой «Шекспир курит в сторонке», издательство «Эксмо».

уже на подъезде. Анна Маркелова ждет в комнате для совещаний.

– Пошли, – велел Котов.

Двери лифта снова разошлись в стороны, из кабины вынесло Егора. Судя по его слегка опухшему лицу, наш Дон Жуан в очередной раз проспал, не успел выпить кофе, спешно принял душ, влез за руль и помчался на работу. Правда, он, как всегда, в безукоризненно наглаженном костюме, идеально чистой рубашке и при тщательно завязанном галстуке.

Я скорчила Гоше рожу. Тот не остался в долгу – ответил тем же.

– Хватит идиотничать! – прошипела Лизавета. – Рядом с вами я себя чувствую как в сухумском обезьяньем питомнике.

– Синеносой мартышкой или краснозадый орангутанг? – тут же поинтересовался Егор.

– Нет, карликовой королевской шимпанзе стоимостью в десять миллионов долларов, – гордо ответила Лиза. – У тебя на щеке след губной помады.

– Черт! – смутился Егор и потер лицо ладонью. – Надеюсь, Антон не заметил.

Лизавета захихикала и убежала.

Я дернула напарника за рукав.

– Пошли.

– Посмотри, убрал помаду? – попросил Гоша.

– Да не было у тебя ничего, – усмехнулась я. – Лиза по-

шутила.

Егор вздохнул, и мы отправились в совещательную комнату.

– Ты слышала когда-нибудь про карликовую королевскую шимпанзе? – вдруг спросил Егор. – Сомнительно, что у сухумского заповедника есть миллионы долларов на покупку подобного животного.

– Ничего не могу сказать по данному вопросу, – ответила я. – Впрочем, синеносая мартышка и краснозадый орангутанг тоже мне не известны. Они вообще-то существуют?

– Понятия не имею, – улыбнулся Гоша, – но звучит красиво.

Глава 2

– Прежде чем начнем работать, давайте познакомимся, – сказал Антон, глядя, как члены бригады усаживаются за круглым столом. – Итак, Татьяна Сергеева, Егор Лазарев наши профайлеры, эксперт Елизавета Евстигнеева и Константин Рыков техническая поддержка. Вы будете общаться с ними. Ну и со мной, конечно.

Ярко покрашенная молодая женщина в бордовом платье молча кивнула. Котов продолжил:

– Анна Леонидовна Маркелова сейчас сама расскажет о своей проблеме.

Клиентка откашлялась.

– Лучше без отчества, меня никто полным именем не называет. А проблема такая: мой отец, Леонид Петрович Маркелов, осужден за убийство и сейчас содержится на зоне...

Анна стиснула пальцы в кулаки, покосилась на Антона, убрала руки под столешницу и натянуто улыбнулась. Она очень хотела казаться спокойной, старательно удерживала на лице приветливое выражение, но на ее щеке пульсировала вена, а над губой выступили мелкие капельки пота, выдавая волнение.

– Нет, не умею я сжато излагать факты, – призналась клиентка, – займу у вас много времени.

– Солдат сидит на совещании, а служба идет, – усмехнулся

Егор. – Лично я абсолютно никуда не тороплюсь. Таня тоже не спешит. Разве что Лиза к полуночи домой засобирается – у нее живет длиннорукая слоноподобная мартышка, и, если ее не покормить, она начинает окна бить.

Анна выдохнула и расслабилась.

– Обезьянка? Это правда?

– Конечно, нет! – засмеялась Лизавета. – Говорите сколько угодно, не надо спешить. Егор пошутил, он у нас юморист.

Что правда, то правда. Гоша любит подтрунивать над людьми, и не все его приколы кажутся мне уместными. Но иногда очередная высказанная им вслух глупость помогает нашему клиенту побороть стеснение или страх. Егор дипломированный психолог, и можно было бы посчитать шуточки его особой методикой. Но я-то отлично знаю: Лазарев просто хохмит, не слишком задумываясь над смыслом сказанного. Таких, как Гоша, называют «душой компании». Его присутствие в офисе легко можно определить – если из чьего-нибудь кабинета доносится хохот, значит, он там. Чаще всего Лазарев заруливает в бухгалтерию или к сотрудницам техотдела. Впрочем, вполне комфортно ему и в лабораториях. То есть везде, где есть девушки. Егор пытается произвести приятное впечатление на любую представительницу прекрасного пола, исключение составляют только клиентки. Как бы хороша ни оказалась заказчица, Лазарев никогда не станет охотиться на нее.

Я усмехнулась и поймала сердитый взгляд Лизы, живо вы-

бросила из головы не имеющие ни малейшего отношения к работе мысли и стала внимать рассказу Анны.

...Маркелов Леонид Петрович с детских лет знал, что будет железнодорожником. Его отец Петр Леонидович водил товарные поезда, мать Зинаида Николаевна работала в депо, а бабушка в свое время служила кассиром и там же, на вокзале, познакомилась с дедушкой, который состоял в транспортной милиции. Одним словом, жизнь всех родственников Леонида была так или иначе связана с министерством путей сообщения, поэтому и сам он, окончив десять классов, поступил в институт инженеров транспорта. Отец очень гордился сыном и во время семейных торжеств всегда говорил:

– Ленька у нас далеко пойдет! Единственный из Маркеловых получит высшее образование. Быть тебе, сынок, министром, не иначе!

Леонид любил отца и мать и очень старался оправдать их надежды – учился только на «отлично», не пил, не курил, за девчонками не бегал. Единственным недостатком идеального во всех отношениях юноши члены многочисленного клана Маркеловых считали его любовь к музыке.

Сейчас большинство родителей озабочено развитием творческих способностей своих отпрысков. Чуть ли не с пеленок малышей определяют в разные художественные лицеи, пытаются открыть у них таланты в сфере искусства, но во времена юности Леонида Петровича все обстояло иначе. Кроме общеобразовательной школы дети еще посещали

музыкальную или спортивную. Никаких коммерческих центров, где подрастающее поколение могло петь, танцевать, рисовать, лепить из глины, не было. Правда, во дворцах пионеров работало много бесплатных кружков, в том числе и драматических.

В пятом классе Леня записался в самодеятельный коллектив, которым руководил Николай Максимович Гуденко, бывший певец театра драмы и комедии, он, ясное дело, ставил спектакли, где было много песен. Маркелов получил роль в опере «Переполох». В ней рассказывалось о войне овощей и грибов, и ее очень любили советские педагоги. Лене досталась роль мухомора, и во время первой репетиции Николай Максимович с удивлением открыл, что у мальчика абсолютный слух.

Гуденко, недолго думая, позвонил матери Лени и сказал:

- Леониду необходимо дать музыкальное образование.
- Это еще зачем? – не поняла Зинаида Николаевна.
- Ребенок чрезвычайно одарен! – воскликнул педагог. – Весьма возможно, он станет великим пианистом.
- Кем? – протянула она.
- Гениальным исполнителем, – пояснил Гуденко.
- На пианино тренькать? – хмыкнула Зина. – Нет уж, обойдемся. Ленке надо хорошо учиться, чтобы нашу династию продолжить.

Николай Максимович растерялся. Он-то жил в среде, где слова «гениальный пианист» мигом бы сподвигли родителей

на покупку самого лучшего фортепьяно. А мать Маркелова спокойно завершила беседу:

– Спасибо вам за заботу и внимание, но наша родня вся на транспорте служит, и Ленке туда же дорога.

Гуденко еще больше оторопел. Но решил, что собеседница просто неправильно оценивает перспективы сына, и решил просветить не особо грамотную мамашу.

– В музыкальной школе дают прекрасное образование. Опытные педагоги определяют, куда лучше направить ребенка. Может быть, ему посоветуют скрипку. Леня будет петь в хоре, изучать сольфеджио и...

– Поют у нас в родне все здорово, – перебила Зинаида Николаевна. – Свекор прямо соловьем заливается, а свекровь как заголосит, так рюмки в буфете лопаются. И никто вашей музыке не учился. Не нужна она нам, и точка!

Гуденко помчался к классной руководительнице Маркелова и взмолился:

– Ирина Афанасьевна, побеседуйте с родителями Лени. У него уникальные данные, а ему прочат профессию то ли кондуктора, то ли проводника.

Учительница обратилась к главе семейства, Петру Леонидовичу, но наткнулась на резко отрицательную реакцию.

– На сцене выступать? – скривился машинист. – Хороша профессия для парня! Я не против артистов, они нужны для развлечения, но нам в семье клоун без надобности.

– Возможно, Леня талантлив, как Ван Клиберн или Рих-

тер, – попыталась переубедить его Ирина Афанасьевна.

Маркелов-старший крикнул.

– Не знаю, кто они такие и чего полезного в жизни совершили. Сейчас спрошу. Эй, Митрич, ты про Ваню Либерна или Пихтера слышал? – крикнул он кому-то.

– Не-а, – донеслось издалека.

– Вот, – удовлетворенно отметил Петр Леонидович. – Может, и про положительных людей вы сейчас рассказывали, но в нашем коллективе у них веса нет. Зато фамилия Маркеловых гремит. Незачем Ленке трень-брень разучивать, несерьезное, пустое это дело, глупее только в белых штанах принца изображать, ногами в танцах дрыгать.

Ирина Афанасьевна дословно передала содержание беседы Николаю Максимовичу, и тот возмутился:

– Надо вызвать Маркеловых на педсовет.

– Нет причин, – возразила классная руководительница. – Мальчик ухожен, воспитан, хорошо учится, мать с отцом не пьют, работают. У Леонида есть еще две младшие сестры, обе у нас учатся, никаких претензий к девочкам нет, одна – отличница, другая крепкая хорошистка. Здоровая советская семья.

– Они губят талант ребенка! – взвился Гуденко.

Ирина Афанасьевна развела руками.

– Занятия в музыкальной школе не входят в обязательное образование. Они на усмотрение родителей.

Николай Максимович понял, что ни от школьной адми-

нистрации, ни от родителей Маркелова понимания ему не дожидаться, и решил сам обучать перспективного мальчика.

Музыкальные занятия очень понравились Лене, но дома он о них не распространялся, зная, что родители не придут в восторг от инициативы Николая Максимовича. Если мать интересовалась, где сегодня сын задержался после уроков, Леня отвечал:

– А у нас драмкружок.

Против участия в школьных спектаклях старшие Маркеловы никогда не возражали. Все дети заняты после учебы какой-нибудь ерундой, хорошо, что Леня при деле, не болтается по улицам.

Николай Максимович спустя некоторое время сообразил, какую совершил ошибку, расписывая в ярких красках будущее пианиста Леонида Маркелова. Следовало сказать его родичам-железнодорожникам: «Отведите мальчонку в музыкальную школу, пусть там в хоре поет, а не сидит в подъезде с жиганами³.

Вот тогда бы мамаша схватила в охапку сынишку и помчалась с ним туда, где готовят Моцартов, не стоило пугать простых людей словами «гениальный исполнитель».

Когда Лене исполнилось четырнадцать, стало ясно, что его талант виртуоза не так силен, как полагал Гуденко. К то-

³ Жиган – вор, бандит. Слово исчезло из нашей обыденной речи в 60-х годах прошлого века, на смену ему в 90-х пришло «браток». Здесь и далее примечания автора.

му же подросток ленился, экзерсисы играл с прохладцей. Но вот интересный момент: за фортепьяно Леня садился с охотой, извлекал из него какие-то странные мелодии, а на недоуменный вопрос бывшего певца: «Что за какофония?» – с обидой отвечал:

– Я придумываю оперу.

Сначала Николай Максимович реагировал на эти заявления со смешком:

– Отлично, хочу послушать, когда закончишь.

Потом стал сердиться:

– Леонид, не о том думаешь, развивай пальцы, упражняйся, сочинительством тебе рано заниматься.

Но подросток закусил удила. Вместо того чтобы разучивать очередную пьесу, он извлекал из инструмента неблагозвучные, на вкус Гуденко, аккорды. В результате отношения у педагога с подопечным разладились окончательно, и Николай Максимович заявил:

– Каждый сам выбирает свой жизненный путь. Леня, или ты нормально учишься игре на фортепьяно, или прощай.

Юный Маркелов вспыхнул и ушел. Более он не приходил ни на репетиции театрального кружка, ни на внеклассные занятия музыкой. После школы Леонид сразу поступил в институт.

А Николай Максимович через несколько лет женился на своей бывшей ученице и перешел на работу в Дом пионеров. В год получения Леонидом диплома Гуденко покончил с со-

бой. Поговаривали, что бывший певец застал юную супругу с любовником...

Анна осеклась, поежилась и смущенно сказала:

– Вы простите, иногда меня заносит в тридевятое царство. Судьба Николая Максимовича к делу отношения не имеет. Я просто хотела подробно рассказать, как отец любит музыку и почему он поругался навсегда с родней.

– Нам пригодится любая информация, – вежливо сказал Егор. – Продолжайте, чем больше подробностей, тем лучше.

Аня широко улыбнулась, и мне стало понятно: она очень молода, но ее старят одежда, дурацкая прическа и яркий макияж. Интересно, кто она по профессии? Речь у дочери Маркелова правильная, без сленговых словечек. Может, она преподаватель? Я выпрямила затекшую спину и вновь стала внимательно слушать клиентку.

...Леонид получил диплом, был распределен на работу в министерство. Сидел в каком-то кабинете и перекладывал бумажки. Петр Леонидович неимоверно гордился сыном, а Зинаида Николаевна постоянно твердила дочерям:

– Ваш брат всех в семье опередил!

Сам Леня казался счастливым. Во всяком случае ни разу не пожаловался родителям на свою судьбу. Два года чиновник Маркелов добросовестно исполнял свои обязанности.

А потом умер Петр Леонидович. И вскоре после смерти отца сын огорошил мать известием:

– Я ухожу с работы.

Зинаида Николаевна поняла его слова неправильно и заплакала:

– Вот, не дожил папа до твоего повышения. Не довелось ему порадоваться на служебные успехи сына. Петя всегда говорил: «Наш Леня станет министром, будет на черной «Волге» разъезжать». Тебе, наверное, и зарплату прибавят, и продуктовый заказ улучшенной категории выдавать будут? Побегу, позвоню тете Маше, похвастаюсь!

– Мама, подожди, – остановил ее молодой человек. – Я покидаю министерство, не хочу носить папки из одной комнаты в другую.

Зинаида Николаевна оторопела:

– Почему? Что случилось?

В ответ обычно молчаливый сын разразился страстной тирадой, суть ее была такой: он умирает в бюрократической структуре от скуки, его раздражает царящая там обстановка низкопоклонства перед начальством и подсиживания коллег, он ощущает себя абсолютно бесполезным, ему претят бесконечные чаепития, устраиваемые бабьем в кабинетах, сплетни и откровенное ничегонеделание, прикрываемое фальшивой активностью. Когда Леонид думает, что ему придется до пенсии таскать начальству документы на подпись, у него начинается почесуха. За пару лет службы в министерстве он, совсем еще молодой, облысел, обзавелся животом, ссутулился и мучается от проблем с желудком и головной боли.

– Эта работа меня убьет, – мрачно подвел итог сын. – Сдохну от тоски или загнусь от колита-гастрита.

– Но, Ленечка, – залепетала мать, – ты же столько учился, старался, получил высшее образование, семья тобой гордится... Ты не можешь... не имеешь права... отца нет, ты наш кормилец...

Леонид искоса глянул на мать и гаркнул:

– Сестры уже студентки, пусть заканчивают веселиться и зарабатывают! У меня одна жизнь! Кто сказал, что я обязан провести ее как верблюд, доставляющий вам разные блага? У меня совсем иные планы!

– Что бы сказал отец, услышь он твои безумные речи! – заломила руки Зинаида Николаевна.

И Леонид снова удивил мать. Он рассмеялся и с совершенно счастливой улыбкой ответил:

– Вот поэтому я и ждал его смерти, не хотел скандалов. Но теперь я свободен.

Бедная мать решила, что сын рехнулся, и кинулась звонить родственникам.

Маркеловы – большая дружная семья, проблемы они решали коллегиально. Все всполошились, попытались урезонить взбунтовавшегося Леонида, но на него их слова не действовали. Вскоре он уволился из министерства, скинул костюм, рубашку, выбросил галстук и портфель, влез в джинсы, отпустил длинные волосы, бороду и устроился... пианистом в ресторан. Мать прокляла сына и велела ему убирать-

ся из дома.

Глава 3

Анна практически ничего не знала ни о своей бабушке со стороны отца, ни о тетках, росла в окружении родителей, очень тихой мамы Марины и вечно молчащего папы. В доме Маркеловых не отмечали праздников, не устраивали веселых дней рождений, не затевали вечеринок. Марина и Леонид практически не разговаривали друг с другом, общались исключительно по бытовым вопросам. Не лезли они и в душу к дочери. С другой стороны, никакого притеснения Аня не ощущала. Например, она говорила матери:

– Сегодня я останусь ночевать у Кати, ее родители уходят в ночную смену.

И Марина спокойно отвечала:

– Хорошо. Обязательно купи кекс – неприлично заявляться в дом с пустыми руками.

И все. Мать не вела себя как испуганная клуша, не причитала: «Какая Катя? Зачем идти к ней на ночь? Где она живет? Кто ее родители? Что за глупая идея! Сиди дома, учи уроки».

Марина не шарила по карманам дочери, не рылась у нее в шкафу, не пыталась подслушивать под дверью, когда к Ане прибегали подружки. Девочка знала, где находится коробка с деньгами на хозяйственные расходы, и могла взять оттуда некую сумму. В буфете открыто стояли бутылки со спирт-

ным, косметику и духи Марина, не таясь, держала на полочке в ванной. Наверное, именно потому, что родители чуть не с пеленок считали Аню самостоятельной личностью, никогда с ней не сюсюкали, признавали право девочки на собственное мнение, не подозревали ее ни в чем плохом, она никогда ничем дурным и не занималась.

Марина работала бухгалтером на автобазе, Леонид настройщиком. Да, да, Маркелов ходил по домам и приводил в порядок рояли и пианино. Жила семья скромно, но денег на еду, отдых и мелкие радости хватало. Вот машиной и дачей они не обзавелись, маленькие зарплаты не позволяли накопить столько денег. В девяностые годы, когда состояния у некоторых людей появились буквально из воздуха, Леонид и Марина не изменили своих привычек – не рвались ни к власти, ни к большим деньгам и никогда не жаловались на трудности. Марина любила вышивать, а Леня сочинял музыку, все свободное время проводя за стареньким пианино. В основном он играл по ночам. Квартира Маркеловых находилась в обычном доме, и, по идее, соседи должны были возмущаться, когда Леня в поздний час принимался музицировать. Но, вот странность, никто не стучал по батарее и не требовал прекратить играть, никаких проблем с соседями у Маркелова не возникало. Когда Анечка пошла в восьмой класс, папа где-то раздобыл подержанный синтезатор с наушниками, и в доме стало совсем тихо.

– Хорошо-то как у вас теперь! – ляпнула однажды мать

Марины, приехавшая из деревни погостить к дочери. – Раньше войдешь, и желудок к горлу скачет, такие звуки Ленька из пианино извлекал. Мне все казалось, он кого-то мучает.

Зять никак не отреагировал на слова тещи. Но Марина, когда муж ушел из комнаты, возмутилась:

– Мама, как тебе не стыдно! Леня пишет симфонию! Он гениальный композитор! Не смей говорить гадости!

Таисия Петровна, простая женщина, всю жизнь проработавшая уборщицей в конторе колхоза, надулась.

– Чего я сказала плохого? Доченька, в телевизор глянь. Композиторы все там сидят, поют-пляшут, деньги лопатой гребут. А у тебя пустой неудачник. Трень-брень и пшик! Живете из кармана в рот, на унитаз работаете. Кому Ленькина музыка нужна? От нее огурцы и те помирают.

– Мама! – взвилась всегда спокойная Марина. – Что за чушь ты несешь? Овощи не люди, они не слышат музыку!

Но Таисию Петровну было не сбить с толку. Она сложила руки на груди и зачастила:

– Ошибаешься, доча! Приехали вы ко мне летом пожить, пошел Ленька в наш клуб, там пианина стоит, и ну по клавишам долбить. А через три дня прибегает Серафима и просит: «Тася, попроси зятя не куролесить. Едва он бренькать начинает, у нас собаки воют. У Лидки коза доиться перестала, а у Наташки огород завял. Раньше такого не случалось, Маринкин муж, твой зять, виноват».

– И ты поверила дурам? – всплеснула руками Марина.

– Они мне соседки, – оскорбилась Таисия Петровна. – А мелодии у Ленки – как ножом по тарелке. Вон, по радио-то красиво поют... Почему он так не играет, если умеет?

В тот день Марина крепко поругалась с мамой. Обиженная женщина уехала домой и больше к дочери в квартиру ногой не ступала. Единственный раз Аня видела бабушку на похоронах мамы. Таисия Петровна подошла к гробу, глянула на зятя и зло сказала:

– Какого хрена ты жив, когда моя Мариночка умерла?

Аня онемела. Леонида передернуло. А бабка, плюнув Маркелову на ботинки, удалилась, не пошла даже на поминки. И больше в семье Маркеловых не появлялась.

Музыка Леонида Петровича никому не нравилась, а вот Анечке его странные мелодии помогали. Часто вечерами папа смотрел на лежащую на диване дочь и спрашивал:

– Заснуть не можешь?

Получив утвердительный ответ, он приносил в комнату магнитофон и включал. Из динамика лились звуки, похожие на те, что издают кастрюли, когда хозяйка моет их под слишком сильной струей воды. Но почему-то это побрякивание нагоняло сонливость, и Аня засыпала.

После смерти мамы девочке пришлось заботиться об отце – тот был совершенно беспомощен в бытовых вопросах. Многие ее сверстники, оставшись без матери, боятся, что в доме появится мачеха, Анечка же, наоборот, мечтала о новой папиной женитьбе – ей хотелось переложить бремя за-

бот о нем на чужие плечи.

Закончив институт, Аня устроилась дизайнером в большую фирму, занимающуюся ремонтом. Владела предприятием Вероника Андреевна Суханова. У нее имелась дочь Света, ровесница Ани. Отнюдь не строгая начальница обладала приятной внешностью и была в разводе.

Вероника Андреевна в юности хотела стать оперной певицей, очень любила музыку, играла на фортепьяно. Как-то Аня случайно услышала, что Суханова ищет настройщика, и девушка порекомендовала начальнице своего отца. А через неприлично короткое время после знакомства Маркелов с Сухановой сыграли свадьбу.

Вероника была очень богата. Кроме преуспевающей фирмы ей принадлежало еще несколько предприятий. К тому же Виктор, ее бывший муж, отец Светланы, по первой просьбе Ники отсчитывал ей любые деньги. Владелец огромного состояния, он сохранил с прежней супругой хорошие отношения и обожал дочь.

Леонид Петрович переехал в пентхаус жены, где та оборудовала для него музыкальную студию, теперь к услугам Маркелова была лучшая аппаратура.

Кстати, свадебное торжество устроили за границей, в Париже, откупив на весь день часть Версаля. Гостей привезли во Францию на самолете, Аня и Света были подружками невесты, все расходы оплатил Виктор.

Все присутствующие на пафосном мероприятии, заранее

названном гламурной прессой главным светским событием лета, были приглашены Вероникой. Леониду оказалось неко-го звать. Основная часть щедро осыпанных бриллиантами дам не знала Аню, и до ее слуха долетали их откровенные разговоры.

– Господи, Ника рехнулась! Нашла себе уroda! Говорят, он беден до неприличия. Неужели Сухановой непонятно, что ушлый мужичонка решил присосаться к ее капиталам? Куда смотрит Витя? Почему он не помешал браку бывшей жены с этим жиголом? А Николай Павлов? Он Нике пять раз предложение делал! Посмотрите на него, вон он сидит чернее мавра. Ну что Нике было надо? Николай может все, у него три четверти Москвы в кармане, денег не считано, власти немерено! Нет! Потянуло ее на плебс...

Аня молча бродила в толпе гостей. Люди пили шампанское, коктейли, языки у них развязывались все больше. Теперь почти каждый задавал вслух вопрос: что успешная, симпатичная, богатая Ника нашла в убогом Леониде?

– Девочки, он ее приворожил, – громогласно заявила Люда, лучшая подруга Ники. – Точно, точно! Подсыпал в кофе травку, которую взял у бабки-знахарки.

– Да ну? – заахали другие дамы и, шурша роскошными платьями первой линии Диора – Шанель – Валентино, сдвинулись вокруг нее тесным кружком. – Откуда ты знаешь?

Люда набрала полную грудь воздуха, явно собираясь поведать жуткую историю, но тут взор сплетницы упал на обес-

кураженную дочь новоиспеченного мужа Сухановой, и она затараторила:

– Анечка, деточка, мы в восторге! Никуля прямо светится, твой папа сделал ее счастливой. Какое у тебя чудесное платье! Ника его для тебя в Париже заказывала? Туфли изумительные, колье великолепное! Светочка, а ты еще краше!

– Спасибо, Люда, – очаровательно улыбнулась подкрававшаяся к сплетницам Светлана. – Извини, мама просила нас с Аней подойти для совместной фотосессии.

– Конечно, кошечка, – закивала Людмила. – Ах, вы очаровательны! Вот, Светочка, раньше ты одна с Никой перед камерами позировала, а теперь будешь стоять рука об руку с Анечкой. Аня замечательно выглядит – тростиночка, волосы шикарные...

Маркелова не дослушала до конца поток любезностей – новая родственница схватила ее за руку и быстро потащила в туалет. А там заглянула во все кабинки, убедилась, что везде пусто, и тихо сказала:

– Давай поговорим.

Аня испугалась.

– Света, я не хочу составлять тебе конкуренцию. Никогда не мечтала позировать светским репортерам, не буду цепляться за Веронику, чтобы покрасоваться в гламурных изданиях...

– Слушай сюда! – перебив ее, приказала Света. – Я среди этих жаб всю жизнь провела, а ты их впервые увидела,

поэтому провожу курс молодого бойца. Все они – суки. Чем шире в лицо улыбаются, тем гаже говорят о тебе за спиной. Маму ненавидят за ум и красоту. Людка давно на моего папу когти точит, но тот в гробу ее видел. Папахен мумиями не интересуется. С мамой он развелся, потому что у них секс закончился. Его теперешняя любовница младше нас с тобой – Жанке восемнадцать, у нее звание «Мисс Кирдыск» или «Мадемуазель Ухрюпинск», неважно. Дура дурой! Присмотришь, ходит в зале этакая жердь в зеленом платье, она и есть папашин новой амурчик. Запомни: нас с тобой хотят поссорить.

– Зачем? – растерялась Аня.

– Для собственного удовольствия, – усмехнулась Света, – и от зависти черной. Слишком шоколадная, по мнению большинства, у Вероники жизнь: деньги, бизнес, бывший муж в лучших друзьях, а теперь еще и по любви замуж вышла. Ну как не нагадить при таком раскладе?

– Ты говоришь ужасные вещи, – прошептала Аня.

Светлана поправила тщательно уложенные волосы.

– Я всех этих скунсов до дна их мелких душонок изучила. Сейчас Людок пробный шар пустила, стала тебя нахваливать – хотела меня против тебя настроить. Надеюсь, я разозлюсь, что теперь с тобой гламурной славой делиться надо, и примусь дочь отчима шпынять. Но фиг ей! Близкими друзьями мы с тобой навряд ли станем, но давай заключим мир.

Светлана протянула Ане узкую ладошку, Маркелова осто-

рожно пожалала тоненькие пальчики девушки, униженные кольцами.

– Запомни, – торжественно произнесла Светлана, – если тебе про меня что болтают, не верь, сразу со мной соединяйся. Я так же поступать буду. Обиды не таим, сразу их друг другу в лицо вываливаем. Я рада, что моя мама с твоим папой сошлась. Потому что вижу – она на самом деле счастлива.

– Тут в толпе все говорят, что мой отец женился на Веронике из-за денег. Неправда! Ему на богатство плевать, его волнует только музыка, он пишет симфонии. И нам вполне хватало того, что мы зарабатываем, – произнесла Аня.

Светлана засмеялась.

– Я ни минуты не сомневалась в искренности чувств наших родителей. Маме не нужен спонсор. И она с духовно убогим человеком не стала бы связываться. Ее привлекают лишь творческие личности. Если она выбрала Леонида, значит, он – мужчина ее мечты.

Аня схватила Свету за руку.

– Поверь мне: папа вообще о деньгах не думает. Есть они – хорошо, а нет – будет питаться быстрорастворимой лапшой, лишь бы ему не мешали творить.

Света неожиданно обняла Аню.

– Вот и договорились. Очень хорошо, что все выяснили...

После свадьбы новобрачные зажили душа в душу. Вероника забыла про тусовки, перестала целыми днями сидеть на

службе и, закончив неотложные дела, спешила домой. Леонид не оставил ремесло настройщика, по-прежнему ездил по клиентам, а в свободное время сочинял свою музыку.

Как-то раз Людмила, которая с плохо скрытым раздражением именovala подругу и ее мужа попугайчиками-неразлучниками, прикатила в гости к Нике. Узнав, что та в квартире одна, принялась теребить ее:

– Ты слышала произведение супруга?

– Нет, – призналась Вероника. – Леня не хочет выносить на суд людей незавершенную работу.

– Отличная отговорка, – съязвила Людмила. – Так и я могу прикинуться Чайковским. Объявлю всем: создаю балет про лебедей, не лезьте в студию, не мешайте процессу; кормите меня, поите, одевайте, отдыхать возите, ублажайте со всех сторон, потому что я гений, но не требуйте ни нотки послушать, я хочу показать только готовый продукт. Этак твой красавчик еще сорок лет тебе мозги пудрить будет.

– У Леонида не очень много свободного времени, – начала защищать мужа Ника. – Я ему предлагала бросить клиентов и целиком посвятить себя творчеству, но он отказывается, не желает подводить музыкантов. Он гениальный настройщик! Таких специалистов, как Ленечка, в России нет!

Подружка скорчила гримасу.

– Любишь ты превосходные степени. Гениальный настройщик... Вот уже не думала, что наша умница Вероника превратится в зомби и будет смотреть в рот мужчине. Может,

правильно народ на тусовках говорит? Давно роятся слухи, что мать Леонида деревенская колдунья и опоила тебя зельем, чтобы сыночка пристроить в дом к богатой женушке.

Глупая беседа происходила при Ане, которая сидела тут же, в гостиной, пила с мачехой и ее подругой чай. Но когда разговор пошел о привороте, она решила уйти, испугавшись, что не удержится и выпалит Людмиле в лицо все, что о ней думает. Девушка встала и направилась к двери. А за ее спиной раздался негодующий голос Вероники:

– Мила, перестань! Я не встречалась с родителями Леонида ни разу, даже не знаю, живы ли они. Что за чушь ты несешь? Уходи и больше в нашем доме не появляйся.

– Будет плохо – позовешь меня, но я ни за какие деньги не приду! – пригрозила Люда.

Но Вероника не испугалась:

– Ты мне ни под каким видом не понадобишься.

Глава 4

Не успела Ника порвать отношения с Людмилой, как неожиданно умер Виктор. Все свое гигантское состояние он оставил бывшей жене. А вскоре на тот свет отправилась и сама Вероника. Вот тут досужие языки замололи со страшной силой. Все кому не лень принялись осуждать Леонида. Народ уже не шептался, а говорил открыто:

– Второй муж Ники довел их обоих, и Потемкина и Суханову, до самоубийства...

Антон прервал рассказчицу:

– Не понял, почему речь вели о суициде?

Анна по-детски шмыгнула носом.

– Виктор скончался, выпив большую дозу лекарства от повышенного давления.

– Ага... – протянул Егор.

Аня резко повернулась к Лазареву.

– Ну и как отец мог заставить здорового, сильного, умного мужчину принять гору таблеток? Поверьте, у папы нет ни грамма хитрости, а тут какое-то изощренное иезуитство. Выходит, сначала отец неведомым путем уговорил слопать упаковку гипотензивного средства Виктора, а потом проделал то же самое с женой?

– И Вероника лишила себя жизни сама? – удивилась Лиза.

Анна нехотя кивнула.

– Вновь пилюли от гипертонии? – не унималась Елизавета.

– Да, – коротко ответила Аня.

– Глупо было убивать Виктора и Веронику одинаковым способом, – пробормотала я. – Хотя для серийного маньяка характерно как раз такое поведение, он убирает жертвы, соблюдая определенный ритуал.

– Мой папа тут ни при чем! – отчеканила Анна. – Если бы вы его знали, сразу бы поняли: отец – последний человек, которого можно заподозрить в совершении преступления. Он думает исключительно о музыке! И Виктор, и Вероника объяснили в предсмертных записках, что не хотят жить.

– Удивительно похожие по смыслу тексты. Фразы разные – у женщины более эмоциональные, у мужчины сухие, – но смысл совпадает, – произнес Костя, глядя в экран ноутбука. – «Любимые и дорогие! Ужасная, страшная, неизлечимая болезнь сжирает меня изнутри. Я теряю слух, в голове стучат барабаны, меня мучают кровавые кошмары. Ночью я сижу на кровати в полном ужасе и слышу, как смерть, позвякивая колокольчиками на капюшоне своего плаща и брякая косой, насаженной на скрипучую деревянную рукоятку, приближается ко мне, стуча каблуками по полу так, словно отбивает чечетку. В завывании ветра за окном явственно звучит ангельский хор, солист хрустально-чистым сопрано выводит: «Ave Maria, прощай, прощай, прощай». Я умираю и знаю это. Нет смысла продлевать муки. Я не верю в бога, по-

этому не боюсь его суда. Леня, живи счастливо, не плачь обо мне. Светочка, ты не одна, Леонид и Анечка поддержат тебя. Всегда будь с ними, они лучшее, что у тебя есть, никогда не обманут и не предадут. Все мое имущество и капитал завещаны мужу. Не плачьте. Я была перед смертью счастлива».

– У Вероники сложились плохие отношения с дочерью? – осведомился Лазарев.

– Ну... нет, – чуть медленнее, чем раньше, произнесла Анна. – Наоборот, Света для Ники была как воздух или свет.

– И мать не оставила дочери средств? – не успокаивался Егор.

– Если вы намекаете на то, что записка фальшивая, то зря, – буркнула Аня. – Была проведена экспертиза, специалисты подтвердили: все написано рукой Сухановой.

– Но почему встал вопрос об убийстве? – спросила я.

Анна закатила глаза.

– Вот! – почти с отчаянием воскликнула клиентка. – Это все Людмила. Сначала она бегала по приятельницам и кричала: «Сто лет дружила и с Никой, и с Виктором, оба были совершенно здоровы, предсмертные записки полная чушь». Потом бывшая подруга кинулась к Николаю Павлову. Тот раньше ухаживал за Вероникой, несколько раз делал ей предложение, она уже почти согласилась выйти за него замуж и тут познакомилась с Леонидом. Представляете, как Павлов «обожал» ее нового супруга? Людмила знала, к кому обратиться, чтобы раздуть пожар. Николай не просто бо-

гат, но еще обладает огромными связями. Звякнул куда надо, и отца начали таскать по разным кабинетам, задавать ему тупые вопросы, вроде: «У вас на день женитьбы на карточке было десять тысяч рублей. А Вероника Андреевна имела крупные счета не только в российских, но и в зарубежных банках. Шикарная свадьба была устроена не за ваш счет. Вы любили свою жену или ее состояние?» Бедный папа лепетал что-то типа: «Мне не нужны капиталы», а на него набрасывались с другим вопросом: «Вы на метро к нам приехали?»

Я покосилась на Антона. Шеф пока сидел молча, но он, как и все мы, отлично понимал, как опытный полицейский ломал Леонида.

На вопрос про метро настройщик ответил честно: «Нет, у меня машина». И дознаватель услышал то, что хотел: роскошный автомобиль Маркелову преподнесла супруга. Потом вдовцу указали на его дорогие часы, бесцеремонно назвали стоимость обуви и портфеля настройщика, а затем продемонстрировали копию декларации о доходах и гаркнули:

– Вы обманываете государство!

– Нет, нет! – испугался Леонид. – Я частный предприниматель, ни разу ни копейки налогов не утаил.

– Откуда тогда у вас тачка представительского класса и будильник, на покупку которого вам, судя по декларации, сто лет работать надо? – произнес хозяин кабинета.

– Жена подарила, – объяснил наивный Маркелов.

– И вы по-прежнему будете утверждать, что ваши отно-

шения с Вероникой Андреевной строились исключительно на любви? – засмеялся дознаватель. – Вот, я вижу в бумагах еще интересные сведения. За последний год вы с супругой ездили восемь раз за рубеж, останавливались в роскошных отелях, летали бизнес-классом. Либо вы таки химичите с налогами, либо жена содержала вас. Третьего не дано.

Леонид Петрович попытался объяснить настырному мужику свои жизненные принципы:

– Я не обеспокоен деньгами, меня совсем не волнуют материальные ценности. Все в дом приобретала супруга. Поверьте, я не знаю стоимости часов и автомобиля...

– Полагаю, ваш отец здорово разозлил тех, кто с ним беседовал, – вздохнул Егор. – Но даже если человек альфонс, его нельзя за это посадить в тюрьму. Нужны более серьезные основания.

Анна обхватила себя руками за плечи.

– А вот тут сыграла свою роль Светлана. Она тоже пришла к Павлову, показала ему тетрадь и сказала, что, разбирая вещи мамы, нашла ее дневник.

Тут Костик, глядя на экран компьютера, стал читать:

«Маркелов оказался не тем, кем я его считала, он хитрый охотник за деньгами. Господи, чего стоит история с сейфом и часами! Как я могла быть такой слепой? Боюсь, Вите помогли уйти на тот свет. Может, мне поехать к Коле Павлову? Он любит меня и поможет. Апартаменты Виктора закрыли после его смерти и ни разу не открывали, вероятно, в доме

есть улики, которые не заметили ранее. Что мне делать? Как я наказана за то, что не приняла предложение Павлова! Куда бежать? Кому сказать: «Люди, если я внезапно умру, не верьте, даже если найдете сто моих предсмертных записок, все будет подстроено. Меня точно убьет Леонид. Я в западне. Мне жутко...»

– Сильный текст, – оценил услышанное Егор.

– Наверное, Ника сошла с ума, когда его писала! – взвилась клиентка. – Папа таракана газетой не прихлопнет! Думаю, она очень серьезно болела, и поэтому у нее начался бред. Вы же знаете, некоторым людям кажется, что их преследуют, а это чистой воды шиза. Мой отец тихий, не злобный, скромный и благородный человек! Вы понимаете?

– Если подвести итог, то можно охарактеризовать Леонида Петровича Маркелова как интеллигента, музыканта и композитора, – заговорил шеф, – мягкого, ведомого человека, не задумывающегося о материальных благах, страстно увлеченного творчеством.

– Да, да, да! – закивала Анна. – Ну скажите, разве такой способен на убийство? Нонсенс, полнейшее психологическое несоответствие!

– С другой стороны, – продолжал Антон, – Леонид мог проявить и жесткость. Он ведь навсегда поругался с родней из-за своих занятий музыкой и более не поддерживал отношений ни с кем из близких. Слабый человек на такой поступок не отважится.

– Я не могу уверенно говорить о том, что случилось до моего рождения, – сердито отозвалась Анна. – Я реконструировала события по некоторым словам родителей, в основном маминым.

– А про какой сейф и часы упоминала в дневнике Ника? – поинтересовалась я.

Костя подпер кулаком подбородок.

– Сейчас... Ага, вижу. В материалах дела есть интересные детали. Их во время следствия также сообщила Светлана. В доме Вероники имелся современный сейф, снабженный тайной видеокамерой. Если не знать про нее, ее невозможно обнаружить. Впрочем, если и знать, что тебя снимают, то тоже не найдешь. Сейф пару раз около двух-трех часов ночи открывал Леонид и доставал деньги. Судя по количеству асигнаций в его руке и их достоинству, суммы не велики, самая крупная тысяч двадцать пять. Кстати, в доме хранилось около шести миллионов в рублях и сто тысяч евро.

– Маловероятно, что Вероника каждый день проверяла содержимое сейфа, – перебил компьютерщика Егор. – Несколько купюр легко взять из кучи, на глазок не определишь, что не хватает малой толики.

– Папа не брал деньги! – взвилась Анна.

Антон склонил голову к плечу.

– Есть видеозапись.

– Отец объяснил, – зачастила клиентка, – что его попросила об услуге Светлана. Дочери Вероники спешно понадо-

бились деньги, и он выполнил ее просьбу.

– Отчего Светлана сама не полезла в сейф? – задала резонный вопрос я.

Аня дернула плечом.

– Думаю, она знала про камеру и элементарно подставила отчима. Вероника при всей любви к дочери ограничивала ее денежные траты, давала ей строго фиксированную сумму. Светлана работала у матери на фирме, но ее должность ниже, чем у меня. Ника хотела, чтобы дочь стала настоящим профессионалом, часто ей повторяла: «Сначала поднимись по лестнице, а уж потом попадешь в пентхаус». Свете постоянно были нужны наличные, вот отец ей и помог.

– Странная история, – пробурчал Егор. – Жена не сказала Леониду про камеру?

– Да наверняка сообщила, – вздохнула Маркелова.

– Ну и зачем тогда Леонид полез в сейф? – продолжал недоумевать Лазарев.

– За деньгами, – терпеливо повторила Анна. – Он либо забыл про видеонаблюдение, у папы подобные мелочи в голове не задерживаются, либо Света привела убедительную причину, раз мой отец пошел у нее на поводу. В одном я твердо уверена: если отец сказал, что действовал по просьбе Светланы, то так оно и было. Он не умеет врать. Но способен о чем-то умолчать, если его попросить: «Никому ни слова не говори». Ему можно доверить любую тайну, папа не выдаст ее ни при каких обстоятельствах. Но лгать никогда не станет.

– Верится с трудом, – не удержался Егор. – Все говорят неправду, вопрос упирается лишь в размер лжи.

Костя постучал пальцем по клавиатуре.

– Светлана начисто отвергла слова Маркелова, назвала его вруном и обвинила еще в одном воровстве. Сказала, что видела, как отчим взял из ванной часы ее отца. Дело было летом, стояла душающая жара, Виктор приехал к бывшей жене и пошел в душ. Потом он отправился к себе в офис, закутился и о часах вспомнил лишь к вечеру. Совершенно не волнуясь, бизнесмен позвонил Веронике и сказал, что пришлет за часами шофера. Ника обескураженно сообщила: «В ванной ничего нет». В краже обвинили прислугу. Домработница плакала, уверяла, что ничего не брала. Улик против нее не было, но Ника все равно ее выгнала. А через некоторое время после происшествия Светлана случайно увидела в ювелирном магазине отчима. Тот, сгорбившись и явно не желая привлекать к себе внимания, шмыгнул за дверь с табличкой «Скупка». Девушка пошла туда же, очутилась в помещении, заставленном высокими шкапами, где лежали изделия, выставленные на продажу, притаилась и услышала разговор Маркелова с оценщиком. Отчим возмущался, почему за дорогие золотые часы ему предлагают смешные деньги.

– Упс! – воскликнула Лиза. – Имидж мужчины-бессребренника трещит по швам.

– Папа не заглядывал в ломбард! – взвилась Анна. – Он даже не в курсе, где тот находится!

Константин кашлянул, по-прежнему уставившись на монитор.

– Павлов, бывший любовник Ники, которому спустя чуть более полугода после смерти матери Светлана принесла ее дневник, поднял большой шум. Он, похоже, очень любил Суханову и имел зуб на Маркелова. Павлов явно очень хотел посадить мужа Вероники и постарался изо всех сил, кое-какие детали дела шиты белыми нитками. Однако с часами все не так просто: Леонид утверждал, что в глаза их не видел, а в ломбарде сохранилась квитанция с паспортными данными Маркелова, на ней есть роспись настройщика, и она подлинная.

– Леонид спер брегет! – воскликнул Егор.

Котов покосился на подчиненного.

– Украл, – быстро поправил Лазарев. Но не удержался и добавил: – Суть не меняется. Тут хоть как говори, а получается, что Маркелов вор.

Анна вскочила.

– И вы туда же! Между прочим, мне вас рекомендовали как уникальных профи, которые непременно отделят правду от лжи. Уверяю вас, отец не заглядывал в скупку! Вот только ювелир, который якобы получил от него часы, умер. Оpoznать папу оказалось некому.

– И все же на квитанции стоит подлинная подпись Леонида Петровича, – напомнил Егор.

Аня скривилась.

– Знаете, я зашла в ту дыру, в этот ломбард. Там пустые квитки просто лежат на столе. Папин паспорт взять было легко, он в столе лежал. Света все и провернула: принесла домой пустую квитанцию из скупки и подсунула ее отчиму на подпись, и тот, наивный, не глядя, подмахнул листок. Я решила, что она таким образом мстит ему. Папа же рассказал про сейф и про то, что именно Света упростила его взять для нее деньги. Между прочим, отец молчал до той поры, пока его не стали прессовать за убийство. Но, кстати, он так и не сказал, для чего они падчерице понадобились. Вот Света и разозлилась, наплела следователю про часы, чтобы опорочить отца, выставить вруном. Обратите внимание: обе истории произошли при жизни Виктора и Вероники и не стали достоянием гласности. А потом вдруг нашелся дневник Ники, Света рванула к Павлову, в доме Сухановой обнаружилась видеозапись с камеры, вмонтированной в сейф, а в ломбарде сохранился квиток с подписью отца.

Глава 5

– Украденные часы и взятые тайком из сейфа деньги не лучшим образом характеризуют человека, – протянул Костя, – но для обвинения в убийстве этого маловато. Однако Павлов крепко наседали на полицейское начальство и смог добиться открытия дела. Эксперты отправились в квартиру к Потемкину, которая стояла закрытой со дня его смерти. И были найдены интересные улики – в ванной комнате, в расческе обнаружили волосы Маркелова, а на стакане в кухне отпечатки его пальцев и слюна, это установила экспертиза. Он пил там минералку, пустая бутылка стояла на столе. Улики свидетельствуют, что настройщик заходил к Потемкину вечером в день его смерти.

– Но ведь на волосах не стоит время, – возразила Лиза. – Может, их оставили раньше?

– К Виктору три раза в неделю приезжает домработница, – пояснил Костя. – В день его смерти она, как и положено, убрала апартаменты. Клянется, что никакой грязной посуды и невымытых щеток-расчесок там не осталось. Получается, Леонид посетил Виктора вечером, выпил у него воды и причесался в ванной. Как все простые люди, он не задумывался о том, что слюна и волосы укажут его ДНК.

– Ну и что? – продолжала удивляться Лизавета. – Ника дружила с бывшим мужем, Леонид мог сказать, что тоже за-

хаживал к Виктору, а горничная врет.

– Мог, – кивнул Костя, – но не сказал. Наоборот, категорически отрицал факт своего пребывания в квартире Потемкина, утверждал, что вообще никогда не заглядывал к бывшему мужу Сухановой.

– Все равно, – уперлась Лиза, – хороший адвокат легко мог разбить...

– Мог, – перебил Костя, – но, во-первых, Маркелов не занимал стоящего защитника, обошелся бесплатным от государства, а во-вторых...

– Все это некрасиво выглядит, – перебила я коллегу. – Он отрицает, что был в квартире, но там есть свидетельства его присутствия... И давайте вспомним про деньги! Вероника унаследовала состояние первого мужа, написала завещание в пользу Леонида и покончила с собой. Получается, что Маркелов стал после кончины Потемкина и Сухановой очень и очень богатым человеком.

– А вот и нет! – воскликнула Анна. – После того, как папу осудили, ему ничего не достанется.

– Если человек убил того, кто отписал ему деньги, дом, бизнес и прочие блага, он этих самых благ никогда не увидит, – произнес Антон. – Преступника признают... недостойным наследником, и прости-прощай вожденное богатство.

– Странно, что Леонид не знал о таком законе, – удивился Егор.

– Не все люди имеют юридическое образование, – улыбнулся Котов.

– Еще одна странность! – подскочила я. – Почему стакан и волосы не обнаружили сразу после смерти Виктора?

– Тогда все указывало на суицид, поэтому эксперты в квартире не работали, – пояснила Аня.

– Послушайте, вы не знаете самого главного, – загудел Костя.

– Подожди, – остановил его Егор. – Есть еще один момент, довольно интересный. Маркелов создал большое музыкальное произведение, назвал его «Радостная жизнь» и пытался заинтересовать им разных дирижеров и исполнителей, но никто не хотел связываться с доморощенным композитором. За месяц до смерти Виктора Леонид получил письмо от владельца камерного оркестра «Энтузиасты», малоизвестного, но автор, думаю, был бы рад, если б его «Радостную жизнь» исполнил хоть кто-нибудь. Настройщик очень расхваливал свою симфонию, писал: «Основная тема даст слушателям заряд оптимизма, избавит от депрессии, она окажет оздоравливающее действие на их психику». Ну и так далее. Хозяин коллектива Борис Ласкин прямо ответил: «Мы готовы сделать вашу авторскую программу, цена вопроса – сорок тысяч долларов. Посоветуйтесь с женой, вероятно, она примет наши условия».

– Откровенно, – усмехнулась Лиза. – Безо всяких реверансов заявил: мужик, скажи своей бабе, нехай она тебе, аль-

фонсу, гринов отсыплет на каприз. И что ответил Маркелов?

– «Спасибо за предложение, но у меня нет запрошенной вами суммы», – процитировал Костя.

– И что тут интересного? – не поняла Лиза.

– А то, что после самоубийства жены Леонид снова обратился к Ласкину, – продолжил Егор. – Цитирую: «К концу весны я готов возобновить наши переговоры о моей авторской программе. А также хочу побеседовать с вами о создании благотворительного фонда «Помощь музыкантам». Выходит, Маркелов не хотел кланчить доллары у Ники, но был готов тратить наследство. Вспомним, симфония – дело его жизни.

– Зря вы утаиваете от нас информацию, – печально произнес Антон, не глядя на клиентку. – Она же все равно выплывет.

Женщина расплакалась.

– Все, ну, абсолютно все уверены, что папа жестокий убийца! Одна я твердо знаю: он – жертва. Вы считаете родную дочь заинтересованным человеком, и поэтому мне нет веры? Про письмо от дирижера я просто не успела рассказать!

– Вот и я никак не могу рассказать! Меня постоянно перебивают! – возмутился Костя. – Хотите знать, почему Маркелова осудили при столь малозначительных уликах, как волосы в расческе и следы на стакане?

– Ничего хитрого: Николай Павлов оказал давление на

следствие, – предположил Егор.

– Леонид признался в совершении преступлений, – объявил Рыков.

В кабинете повисло молчание. Наконец его нарушил Антон:

– Да?

– Точно! – кивнул Костя. – Он сказал: «Я избавил от страданий и Виктора, и Нику. Я лишил их жизни».

– А записки? – подскочила я. – Они же вроде написаны рукой умерших!

– Маркелов сказал, что ничего о последних письмах не знает. Он дал и Виктору и жене средство, которое позволило им тихо, безболезненно уйти на тот свет. И все. Больше он не произнес ни слова. Молчал, как рыба, пардон за избитое сравнение, – договорил Костя.

– И Маркелова осудили? – вытаращила глаза Лиза. – А как насчет психиатрической экспертизы?

– Тут ничего о ней нет, – пробормотал Костя, глядя в ноутбук. – Николай Павлов постарался, сплошные нарушения в деле. И почему я не удивлен? Но с ним мы побеседовать не сможем, так как данный господин сейчас проживает в Лондоне, на контакт ни с кем из России не идет. И Людмила, подруга Ники, недоступна. Она в США, вышла замуж за американца, живет теперь на территории одного из национальных парков. Интернета не имеет, телефона тоже, есть только адрес обычной почты. Ее супруг какой-то местный чудаков,

предпочитающий жить без благ цивилизации.

Рыков хотел еще что-то добавить, но его перебила клиентка:

– Я плохая рассказчица, мысли все время в стороны разбегаются. Вот сейчас подумала... Понимаете, Света по идее должна ненавидеть отчима. Как же, влез в семью, отнял у нее маму... Но она тоже убеждена, что настоящий убийца ее матери на свободе... Поезжайте к Светлане, поговорите с ней.

Аня всхлипнула, почему-то обернулась на дверь, поежилась и продолжила очень тихо:

– Нехорошо признаваться, но я и сама не верила папе. Сидела на суде и от стыда плавила. Прокурор очень складно говорил, он бесплатного адвоката отца, которого государство предоставило, в угол загнал, тот ничего поделать не мог. На оглашение приговора я не пошла. Боялась встретить Свету, считала, что она меня ненавидит, проклиняет, вот и заперлась в своей квартире. Мне ее Вероника подарила. Папа был против, сказал: «Не надо Аню баловать, пусть с нами поживет». А Ника ему возразила: «Светлане я апартаменты обустроила, Ане тоже жилплощадь куплю. Вот и будем жить в одном доме на разных этажах. Вроде бы вместе, но порознь, очень удобно».

Анна подняла голову.

– Я получила «трешку» на седьмом этаже, Света имела такую же на восьмом, а папа перебрался в пентхаус Вероники. Мы со Светланой пытались подружиться, но не полу-

чилось, хотя всегда друг друга с праздниками поздравляли. Света собирает изображения лягушек, а я часто езжу по интерьерным магазинам, и как вижу симпатичную жабку, всегда ей покупаю. Но доверительных отношений у нас не сложилось. Когда Света наврала, что видела папу в ломбарде, я с ней разговаривать перестала, к Веронике в пентхаус лишний раз не поднималась. Кстати, Ника на дочь разозлилась и...

Молодая женщина примолкла.

– Хотите воды? – заботливо предложил Егор. – Или, может, кофе, чай? У нас есть отличное печенье.

– Сладкое я не ем, – отказалась Анна, – и так три лишних кило на бедрах.

Я с трудом удержала на лице приветливое выражение. О каком лишнем весе ведет речь клиентка? Фигурой она напоминает ручку от метлы! Я бы на ее месте лопала каждый день гору бисквитов и не испытывала ни малейшего угрызения совести.

– Продолжайте, пожалуйста, – попросил Антон. – Хотя, если устали от беседы, давайте сделаем перерыв на обед.

Аня вынула из сумочки зеркальце, глянула в него и помотала головой:

– Нет, нет, спасибо, если только вы утомились и проголодались. Я-то в полном порядке. Заминка в разговоре получилась из-за... ну... Понимаете, я не люблю сплетничать, никогда не предаю огласке чужие, случайно услышанные разговоры. Но, если я хочу спасти папу, надо быть абсолютно

откровенной, ведь так?

– Конечно, – подтвердил Антон. – И все сказанное вами никогда не покинет пределы этой комнаты.

Анна сделала глубокий вдох, чуть задержала дыхание, выдохнула и заговорила:

– Ника очень сильно поругалась со Светой. Та рассказала своему отцу, что видела и слышала в ломбарде. Виктор примчался к бывшей жене, и произошел жуткий скандал. Оба родителя страшно орали на дочку – они ей не поверили...

Я внимательно слушала рассказчицу и, как обычно, рисовала перед мысленным взором картину.

...Когда Потемкин ушел, Вероника продолжала отчитывать Свету. Сначала обвинила дочь в намерении разрушить ее новый брак и разорвать дружбу с Витей, а затем крикнула:

– За старое принялась? Если отец все забыл, то я нет!

Но Светлана вместо того, чтобы попросить у матери прощения, дерзко ответила:

– Ха-ха, я безумно испугалась... Мало ли какие глупости дети делают! Хочешь папе про ту давнюю историю напомнить? Возражать не стану. Но, может, и мне ему кое-что про твои студенческие увлечения и «неудачные» роды доложить?

Лицо Вероники вытянулось, Света ехидно засмеялась.

– Ага, думала все шито-крыто? Ан нет, я ту историю знаю! Осторожнее, мама, не стоит нападать на другого, если сама с головы до ног в дерьме!

– Убирайся вон и больше никогда не приходи в мой дом, – ледяным тоном произнесла Суханова. – Ты мне не дочь.

– Подумаешь! – фыркнула Света и унеслась.

Вероника резко повернулась и ушла из гостиной. Аня, сидевшая на диване тише испуганной мышки, поняла, что в пылу скандала мать с дочерью забыли о ее присутствии. Стараясь не шуметь, девушка ускользнула на свой этаж. Ни со Светланой, ни с Никой она долгое время не пересекалась, не пошла даже праздновать с ними Новый год, прикинулась больной гриппом. Правда, мачеха и сводная сестра вели себя в присутствии Ани так, словно ничего и не произошло, а вот Маркелова старательно избегала контактов с ними. Потом умер Виктор. Скончалась Суханова. А уж когда Леонида Петровича арестовали, стало совсем плохо. Вот когда Аня пожалела, что живет в том же доме! Теперь дочь подозреваемого в двойном убийстве настройщика боялась воспользоваться лифтом, чтобы ненароком не столкнуться в кабине со Светланой.

Клиентка умолкла, обвела нас взглядом и с неожиданной радостью в голосе спросила:

– Знаете, почему я сейчас обратилась к вам?

– Хотите оправдать отца, – ответил Егор.

– Да, это стало моей мечтой. Но у меня не было доказательств того, что Нику и Виктора убил другой человек. А теперь есть! – торжествующе выкрикнула она. – Мне позвонила Света. Она очень волновалась и сказала: «Прости, Аня, я

очень виновата. Я ведь придумала про ломбард, не видела я там твоего отца. Хотела отомстить маме за ее жадность, она мне совсем денег не давала. Я просто подсунула Леониду пустой квиток, а он его подписал. Не предполагала, что все так ужасно обернется. Твой папа никого не убивал, я готова это подтвердить. К тому же я знаю, кто настоящий преступник».

– И кто он? – тут же спросил Егор.

Аня опустила плечи.

– Повторяю: вам лучше съездить к Свете и поговорить с ней. Я могу неточно передать ее слова, и получится как в игре в «испорченный телефон». Знаете такую? Дети садятся в ряд, первый шепчет на ухо второму слово, допустим, «плед», а тот предает третьему «след», а четвертый получает вариант «бред».

– Сообщите хотя бы суть того, что вам рассказала сводная сестра, – попросила Лиза.

– Света не назвала имени настоящего преступника, – призналась Анна. – И я прибежала к вам. Папа ни в чем не виноват! Спросите у дочери Ники сами, вам она расскажет все. Думаю, это провернул очень хитрый, злой и умный человек.

– Но ведь ваш отец признался в убийствах, – напомнила я.

– Вот вы и узнайте, почему он взял на себя чужую вину! – воскликнула Маркелова.

Глава 6

Дозвониться до Светланы мне не составило труда, она схватила трубку сразу и спокойно повела разговор. На мою просьбу о встрече она ответила:

– Хорошо, но только вечером после работы. Вас не затруднит подъехать ко мне домой?

Мы договорились на девятнадцать часов. После этого я пошла к Антону с просьбой разрешить мне уйти – надо же было привести квартиру в порядок после ремонта.

Шеф оказался милостив.

– Ладно, поскольку за прошедший месяц у тебя не выдалось ни одного выходного, даю отгул.

Я не поверила своим ушам.

– Сутки отдыха? Но я уже договорилась на семь о встрече со Светой. Можно перенести отгул на пятницу?

Босс показал на большие круглые часы, висящие над дверью.

– Сейчас ровно четырнадцать. В восемнадцать тебе надо выезжать к дочери Вероники. Четыре часа отгула. Царский подарок! Ты вроде не рада?

– Счастлива безмерно, – засмеялась я. – Просто растерялась, не знаю, куда деть столько свободного времени.

– Ну, если боишься заскучать, возьми материалы по Светлане Потемкиной, считаешь на досуге, – с абсолютно се-

рьезным лицом предложил Антон.

Я схватила оранжевую папку, протянутую боссом, и поспешила на выход. Все-таки здорово иметь жилье в паре шагов от офиса. Живи я по-прежнему с Димоном, Лапулей, бабушками и кошками, то успела бы только доехать до дома, и уже пришлось бы возвращаться назад. Заходить в квартиру было бы некогда.

Поднявшись на свой этаж, я открыла дверь и от души порадовалась отсутствию малярш, сантехника, электрика и прочих рабочих. Наконец-то я осталась одна и можно разбирать коробки, никто не помешает, не включит перфоратор, не уронит ведро с гвоздями, не перепутает оттенок краски. Конечно, замечательно получить новенькую квартиру, но самое приятное знать: рабочие ушли и больше не вернутся. Ура!

Мое ликование достигло наивысшей точки кипения, я чуть не зарыдала от счастья и неожиданно услышала звонок в дверь. Радость слегка померкла. Надеюсь, это не Егор. С одной стороны, очень удобно жить в непосредственной близости от офиса, с другой, бесцеремонные коллеги будут рваться к тебе на чашечку кофе...

Я с опаской посмотрела на экран домофона, увидела соседку Ларису и распахнула дверь со словами:

– Гастарбайтеры уехали, ремонт окончен! Разложу вещи и устрою новоселье. Ты – главная, почетная гостья.

– Здорово, – пробормотала новая знакомая. – Тань, выру-

чи, а?

– Извини, – смутилась я, – с деньгами швах, расплатилась с малярами и осталась на бобах.

– Нет, я не прошу в долг, – отмахнулась Лара. – Мы с Мишей решили жить вместе. Сегодня около девяти вечера он с чемоданом приедет.

– Поздравляю, – совершенно искренне сказала я.

Лариса отличная хозяйка, умная женщина, у нее веселый, совершенно не скандальный характер, а Михаил, которого я встречала у нее на кухне, добродушный мужчина, не пьет, не был женат, да еще и сирота. Ну просто идеальный вариант! Почему бы этим людям не объединиться в семью? Ларисе нет сорока, она еще может родить ребенка.

– Спасибо, – кивнула Лара. – Понимаешь, произошла накладка – приехал мой брат. Генка идиот, сто раз ему говорила: соберешься в столицу, непременно звякни, вдруг я отсутствую или что еще. Так нет же! Сваливается, как кирпич на голову, привозит домашние консервы и кричит: «Сеструха! Здравóво, я прибыл!» Да что я тебе рассказываю, небось у самой таких родичей полно. Одного не пойму: явятся из своего колхоза и начинают Москву ругать – и грязно у нас, и шумно, люди на улицах злые, никто не поможет, цены официнные, продукты ненатуральные... Спрашивается, за каким дьяволом тогда в столицу припираются? Оставались бы в деревне, ели домашний творог и дышали свежим воздухом. А раз приехали в город, то будьте любезны, не поливайте его

дерьмом на каждом шагу. Небось не понравится, если я в их Бурундуковку прискачу и примусь коров ругать, дескать, они больные и молока от них, как от козлов?

Лариса задохнулась от возмущения.

– У меня родственников в провинции нет, – улыбнулась я.

Соседка прислонилась к косяку.

– Даже не представляешь, как тебе повезло. А я из многодетной семьи, у меня четыре сестры и два брата. Но Мишке я про них ни слова не сказала.

– Почему? – удивилась я.

Лара сложила руки на груди.

– Мужики не любят, когда у бабы семья здоровенная. У них сразу мысль возникает: вот сейчас распишусь, а потом придется безостановочно ее родне помогать. Или, может, только мне такие женишки попадались? Я четыре раза в загс собиралась, заявление относил, а затем на одни и те же грабли наступала – звонила сестрам и сообщала: «Приглашаю вас на свадьбу». Вот как у нормальных людей бывает? Если родственнички особо наглые, приедут за пару дней до праздника, коли воспитанные, во вторник, ближе к ночи, прикатят, в среду «горько» покричат, а в четверг в девять утра на вокзал отправятся. Но у меня – просто оккупанты. Узнают сестрички про торжество и без промедления прямоком сюда, с детьми, мужьями, свекровьями, собаками-кошками. Вроде как помогать решили, советовать собрались, какое платье брать, где пить-веселиться. Опять же на жениха

посмотреть надо, обсудить его. В итоге так ни разу штамп у меня в паспорте и не появился, удирали мои парни. Поэтому я решила, что Мишка о размерах моей семьи правду узнает лишь после церемонии. Никому о нем ни звука не пророню, распишемся втихаря, пусть уж потом табор сюда катается. И вдруг сегодня Генка заявился! Представляешь? Миша придет с чемоданом, чтобы начать совместную жизнь, а на кухне дундук сидит, чай пьет, изобретениями трясет!

– Изобретениями? – переспросила я. – Ты что имеешь в виду?

– Есть такая фирма, называется «Эйн», это первый слог от фамилии «Эйнштейн», – устало пояснила Лариса, – они занимаются скупкой изобретений.

Я заморгала, а Лариса усмехнулась.

– Ага, чего только не бывает в нашем мире. Народ в России талантливый, рукастый-головастый, но в юридическом плане безграмотный. Например, изобрел какой-нибудь Ваня электрозажигалку для плиты, сделал в своем сарае одну себе, а потом соседям, приятелям, коллегам. Все пользуются, Ваню нахваливают. И вдруг крупный концерн начинает выпуск таких же прибамбасов. Грубо говоря, сперли плод Ваниной технической мысли и пользуются им, получают миллионы прибыли. А Ване – фига! Ну и что будет, если автор идеи в суд подаст? Он же на эту штуку документы не оформил.

– В советские годы издавался журнал, вроде он назывался «Изобретатель и рационализатор», – вспомнила я, – люди

туда всякие придуманные ими велосипеды присылали.

Лариса кивнула.

– И никто не заморачивался с патентами. А тут фирма делает предложение: «Вы нам – свои идеи, мы вам – хорошие деньги». Потом «Эйн» этот урожай перепродает тому, кто им заинтересуется. Конечно, иногда фирмачи оказываются в пролете: им показалось, что пресловутая зажигалка отличная идея, а ее никто приобретать не желает. Но чаще бывает наоборот. Генка все пытается им свои изобретения продать, только пока безуспешно. Прошлой весной привозил говорящий пылесос.

– Зачем беседовать с пылесосом? – засмеялась я.

Лара пожала плечами.

– Брат решил, так домохозяйке веселей. Ну, поможешь мне?

– Чем? – конкретно спросила я.

– Танечка, если Миша Генку увидит, боюсь, убежит, как и предыдущие мои женихи, – страстно зашептала Лариска. – Сделай одолжение,пусти его к себе пожить! Всего на недельку, а? Спаси мое будущее счастье!

Я растерялась. Ни малейшего желания жить на одной территории с совершенно незнакомым мужчиной я, разумеется, не испытывала, но долг платежом красен. Лара здорово помогла мне с ремонтом, не считаясь со временем, пинала наглых рабочих, и, если б не она, ходить бы мне до сих пор между банками с красками и любоваться расчлененными рыбками.

ми в ванной.

– Всю бытовуху на себя возьму! – частила Лариса. – Еду стоговорю, в твой холодильник поставлю, постельное белье принесу...

– Ладно, – кивнула я, – согласна. Но, сама видишь, у меня разгром – узлы, коробки... Думаю, твоему брату не понравится.

– Ты его приютишь? – не поверила своему счастью Лариса.

– С удовольствием, – покривила я душой. – Очень тебе благодарна за помощь при ремонте, рада отплатить тебе тем же. Но не смутит ли Геннадия такой раскардаш? И спать ему придется на надувном матрасе.

– Танюша! – завопила Лариска. – Ты святая! Им все равно где дрыхнуть! Да они твой дом за дворец посчитают! Сейчас я их приведу...

Взвизгнув от радости, Лариса унеслась. Мне стало смешно: бедная соседка настолько ошалела от удачи, что заговорила о брате во множественном числе.

Через открытую дверь с лестницы вполз резкий цветочный запах. Похоже, кто-то из соседей переборщил с дезодорантом для туалета, и «аромат» по системе вентиляции расползается по зданию. Я чихнула, машинально прикрыла глаза, потом распахнула их и увидела двух здоровенных бугаев в бесформенных свитерах и мятых, мешковатых брюках.

– Знакомьтесь, – затараторила Лариса из-за их спин, – это

Татьяна. Она вас, парни, приютить согласилась, пока у меня тараканов травят. Очень уж ядовитый состав у морильщиков, все вокруг погибает. Правда, Тань?

Я кивнула, изо всех сил стараясь не рассмеяться. Мужики похожи на Гаргантюа с Пантагрюэлем⁴, что им отравы для мелких насекомых?.. Постойте, а почему гость не один?

– Генаша и Игоряша, – щебетала Лара, – мои братишки-изобретатели.

– Их двое? – уточнила я.

Глаза Лариски чуть скосились к носу.

– Ну да. Я же тебе говорила, что у меня четыре сестрички и парочка братцев.

– Но матрас только один, – слабо засопровтивлялась я.

– Ерунда, валетом лягут, – тут же разрешила проблему Лариса. – Вот их сумки, вещей совсем немного. Ну, я полетела... Значит, так, парни, вы живете у Таняши и в мою дверь не колотитесь. Начнете сдуру кулаками стучать, тараканы убегут в страхе, не успеют ядом надышаться. Вторую обработку за ваш счет произведу. Усекли?

Генаша и Игоряша слаженно кивнули.

– Договорились! – обрадовалась Лара. – Помогайте Тане, не гадыте в ванной, зеркало за собой протирайте, сиденье на унитазе поднимайте и опускайте. О'кей?

– Хоккей, сестричка, – прогудел Генаша. И внезапно спро-

⁴ Главные герои книг французского писателя Франсуа Рабле, великаны-толстяки, не очень сообразительные обжоры и гедонисты.

сил: – Гарик, слышишь, как сиренью воняет?

– Слышу уверенный запах, – кивнул Игорь. Потом он повернулся ко мне: – Татьяна, вы уж простите Генашу, он талантливый, но не образованный, поэтому может слова употреблять вульгарные. Не подумает, что при женщине надо говорить деликатно, пользоваться литературным глаголом. Ему сейчас надобно было спросить: «Слышишь, брат, как пахнет цветами?» Ну да, отлично слышу аромат растений. Очевидно, он исходит от хозяйки.

Я отступила к вешалке. Как можно слышать запах? Хотя в магазинах парфюмерии продавщицы употребляют именно этот глагол. Стоит войти в помещение, как со всех ног спешит блондинка с криком: «Послушайте новинку!» – и сует потенциальной покупательнице под нос бумажку, щедро сбрызганную духами.

– Таня почти никогда не пользуется туалетной водой, – вмешалась в беседу Лариса. – Это я вашу сумку дезодорантом обрызгала, а то она ужасно смердела. Ну, покедова! Тань, вот заварка, кофе, сахар, пряники.

Я взяла у соседки пакет, вспомнила об обязанностях хозяйки, поняв, что заняться разбором коробок сейчас не удастся, провела двух великанов на кухню и начала угощать их чаем, усиленно изображая восторг от встречи.

Знаете, как можно расположить к себе любого мужчину? Надо продемонстрировать жгучий интерес к его особе, пару раз с искренним видом воскликнуть: «Какой ты умный!» –

и дело сделано, представитель сильного пола будет считать вас особой приятной во всех отношениях.

– Вы прибыли, чтобы продемонстрировать в фирме «Эйн» свои изобретения? – начала я беседу, наливая в пластиковые стаканчики чай.

– Сейчас я их покажу, – оживился Генаша и встал.

– Лучше расскажи словами, – остановил брата Игоряша.

– Так баба не поймет, – возразил Гена и исчез в коридоре.

– Еще раз прошу прощенья, – вздохнул Игорь. – Гена непосредственен, как австралийский кролик, вечно мне за него краснеть приходится.

– Вы тоже изобретатель или просто сопровождаете Геннадия? – перевела я беседу в иное русло.

– Генаша специализируется на простых вещах, – чуть снисходительно пояснил Игоряша, – а я психолог, имею диплом о высшем образовании, приехал продать удивительную, разработанную лично мной психотехнику «Обретение счастья».

На меня некстати напала зевота, но я живо подавила ее и любезно изобразила внимание.

– Очень интересно.

Игоряша поправил узкий немодный галстук.

– Люди не понимают, что любые их желания исполнимы. Надо лишь применить мою методику. Вот вы, например, о чем мечтаете?

Я чуть было не ляпнула: «О возвращении Гри⁵», но тут же спохватилась и вслух произнесла:

– Денег побольше. Надо много всего в квартиру купить.

Игоряша с трудом сцепил руки на объемистом животе.

– Из десяти человек восемь жаждут богатства. Позвольте поинтересоваться, каким образом вы намерены достичь материального благополучия?

– Традиционным, – улыбнулась я. – Буду ударно трудиться без выходных и попрошу у начальника прибавку к жалованью за усердие.

– А он ее не даст, – усмехнулся Игорь. – Нет, неверно. Нужно применить мою психотехнику «Обретение счастья». Она состоит из пяти шагов: формулирование, визуализация, выбор носителя, определение желания и сбор плодов. Хотите узнать подробности?

Я краем глаза покосилась на мобильный. Нет, надо проститься с мыслью о наведении порядка, хотя бы частичного. Надеюсь, Игорь один раз расскажет о своем изобретении и более не станет приставать ко мне с беседами.

– Сначала закрываем глаза и представляем себе деньги, – продолжил гость, не дожидаясь ответа на свой вопрос. – Кучу! Огромную! В купюрах! Как только натренируетесь, закрепляете в мозгу образ дензнаков...

⁵ О том, что случилось с мужем Татьяны, сотрудником спецбригады Аристархом Бабулькиным по прозвищу Гри, рассказывается в книгах Дарьи Донцовой серии «Татьяна Сергеевна. Детектив на диете», издательство «Эксмо».

– Ну, это просто, – перебила я психолога-изобретателя.

– Попробуй, – перешел со мной на «ты» Игорь.

Я зажмурилась и попыталась мысленно увидеть пачки, перехваченные банковской лентой. Но почему-то из темноты выплыла морда кролика. Он оскалил зубы и затряс длинными ушами.

– Ага, не тот объект появляется! – обрадовался каким-то образом считавший мои мысли Игоряша. – Что ты видишь?

– Кролика, – призналась я.

– Забудь, думай исключительно о купюрах, – приказал Игоряша.

– Не получается, – пробормотала я.

– Да, это трудно, – кивнул братец соседки, – действуй постепенно. Вспомни, как пахнут деньги, ощути хруст бумажек, потри их пальцами. Ну?

Я подергала носом, пошевелила руками, но вновь узрела кролика. Теперь он почему-то курил трубку. Запах дыма вполз в мой нос, я закашлялась.

– Пытаясь четко удерживать образ рублей, переходи к визуализации, – наставлял дальше Игорь. – Напиши письма-желания: «Я хочу денег, сто миллионов».

– Хватит и двух, – вырвалось у меня.

– Неправильная позиция, – поморщился «учитель». – Если любить, то короля, если желать богатства, то огромного. Фортуна не благоволит к скромным людям. Сто миллионов, никак не меньше. Одну записку прикрепляешь на лобовое

стекло своей машины, вторую вешаешь в изголовье кровати, третью носишь в сумке, четвертую кладешь в рабочий стол. Окружаешь себя ими, как флажками охотники волка, и переходишь к выбору носителя.

Игорь умолк, огляделся и показал пальцем на сухой прут, торчавший из керамического горшка.

– Вот, подойдет. Это что?

– Сегодня утром я принесла кашпо с лестницы, – ответила я. – Пожалела растение, его кто-то выбросил.

Игоряша встал и приблизился к подоконнику.

– Прекрасно. Пусть носителем желания будет оно. Ты его поливаешь и распеваешь мантру. «Вода кап-кап, расти-расти... Едва появится цветок, посмотрит глазом на восток, раскроет первый свой бутон, прилетит ко мне миллион, за ним второй и третий, все миллиарды на свете».

– Ловко ты стихи сочиняешь, – похвалила я Игоря.

Гость слегка смутился.

– Методика опробована на многих людях, а женщины очень часто назначают носителем своего желания растение. Мантра давно сложилась. Когда цветок распустится, твое желание исполнится.

– Да? – с недоверием спросила я. – Само собой? Безо всяких усилий? Сто миллионов просто упадут к моим ногам?

– Точно.

– Это невозможно! – отрезала я.

– А ты попробуй! – пожал плечами Игорь.

– Деньги можно либо заработать, либо украсть, – уперлась я, – из воздуха они не возникнут.

– У всех моих учеников получалось, – не сдавался психолог. – Главное, четко представлять пачки, не думать о каких-то зайцах. Сто миллионов хочешь?

– Не стану прикидываться бессребреницей, хочу, – честно ответила я. – Мне нужны занавески, ковер, пледы, куча вещей. Неплохо бы в отпуск на море скататься. Но все равно огромная сумма из пустоты не появится.

– Спорим? – азартно предложил Игорь. – Ты четко следуешь моей методике, работаешь серьезно, я помогу тебе настраиваться. Получишь сто миллионов, купишь мне ноутбук.

– А если не выйдет? – захихикала я.

– Тогда я тебе айпад подарю, – пообещал навязанный мне гость.

– Мерси, уже имею два, – отвергла я предложение. – Меня устроит СВЧ-печка.

– По рукам! – объявил Игоряша.

Я стукнула ладонью по руке психолога. Отлично, одной проблемой меньше. Я честный человек и не стану обманывать Игоря, буду осваивать его методику. Но я совершенно не верю в ее эффективность, поэтому уже сейчас радуюсь получению нового кухонного прибора. Впрочем, если к моим ногам хлопнется с небес мешок, туго набитый миллионами, не зарыдаю. Отличное пари, как ни оценивай, все равно

хорошо.

Глава 7

– У меня два изобретения, – загудел Генаша, появляясь на кухне с пакетами в руках. – Придумываю бытовые вещи. Они всех порадуют и нужны каждому. Во!

С лучезарной улыбкой он водрузил на стол темно-коричневую пузатую емкость с длинным заткнутым пробкой горлышком.

– Вот интересное ноу-хаму.

– Ноу-хау, – поправил Игорь брата.

– Однофигиственно, – отмахнулся тот.

– Вы придумали бутылку? – осторожно спросила я.

Генаша расплылся в широчайшей улыбке.

– Сообразительная ты не по-бабьему. – Перешел и он на свойский тон: – Ну-кошь, понюхай!

Я не успела моргнуть, как он выдернул затычку и поднес к моему лицу открытую поллитровку. Сильный запах ударил в нос.

– Водка, – скривилась я. – Но, насколько я помню, ее изобрел Дмитрий Менделеев.

– Молодец, – похвалил великого химика Генаша. – Много радости его работа людям доставила. А что к водочке надо?

Я пожала плечами.

– Хорошую компанию.

– Ох, бабы... Наипервейшее дело – закуска, – назидатель-

но произнес второй брат. – Только алкаши бормотуху рукавом занюхивают, приличным людям еда нужна. А если ее нет, что тогда?

– Надо зайти в супермаркет и купить колбаски, – покорно ответила я, не понимая, куда клонит Геннадий.

– Ну, сказанула! – покачал головой гость. – В вашей-то Москве психушечной эти маркеты на каждом углу, а у нас в Бурундуковке одно сельпо и палатка с макаронами. Да и не по карману простому мужику «Любительская», он себе на шкалик еле-еле наскреб, чудом от жены тяжелым трудом заработанную копейку утаил. Любят бабы из карманов супружника все вытряхнуть под вопли: «Детей кормить надо!» Спрашивается, за фигом их семь штук рожать? Одного и то много.

– Генаша, следи за своей речью! – воскликнул брат.

– Извини, не хотел тебя обидеть, – опомнился народный умелец. – Так вот, я решил проблему закуски, придумал съедобную бутылку – тара сделана из черного хлеба. Пробуй!

Не слишком чистыми пальцами Геннадий отломил небольшой кусочек горлышка и протянул мне.

– Купит парень беленькую, глотнет и откусит от пузыря. Опять водочкой побалуется, а закусь уже в руке, – объяснял Генаша. – И сыт, и пьян. Круто?

Я понюхала твердый темно-коричневый обломок и уточнила:

– Из чего сделана бутылка?

– Вопрос на миллион! – восхитился изобретатель. – Сказал же, из черного хлеба. Сначала я его нажевывал, в тазик выплевывал и лепил емкости.

Меня незамедлительно затошнило, я положила «закуску» на стол и вытерла пальцы о бумажное полотенце. Игорь закатил глаза. А Гена, не обращая внимания на мою реакцию, басил:

– Потом сообразил – так не пойдет. Мука-то в водке размокает. Два года экспериментировал и добился успеха. В бутылке основа из ржи, а что там еще, не сообщу, коммерсантская тайна.

– Коммерческая, – привычно поправил Игорь.

– Да как ни обзови, душа вещи не меняется, – философски заметил Гена. – Ты, Тань, познакомилась с изобретением для мужчин. А сейчас глянь на женскую придумку. О! Этта чего?

– Два носка, пришитые к длинной белой резинке, – описала я увиденное. – Надо же, я думала, ее давно не выпускают. Раньше в магазинах на полках лежали мотки этого галантерейного товара, их брали для белья. Отлично помню, как моя бабушка отрезала кусок, прикрепляла к одному концу английскую булавку, брала папины сатиновые трусы и продевала резинку через дырочку в поясе. И женское, и мужское нижнее белье держалось на талии при помощи такой резинки, но сейчас это раритет.

– Опять же в вашей Москве.

– Можешь не продолжать, – перебила я брата Ларисы. –

Уже поняла, твоя Бурундуковка заповедник, которого не коснулись ни революция, ни перестройка, ни технический прогресс. Но зачем резинка носкам?

– Рукавички зимой носишь? – прищурился Генаша. – Чего делают, чтоб их дети не потеряли?

– Раньше варежки притачивали к резинке! – осенило меня. – Ребенок забудет про них, а они из рукава свисают. Но, знаешь, простое ухищрение советских лет давно забыто.

– В вашей Москве! – вновь сел на любимого конька Генаша. – Вы тута богатые, потеряете в день шесть пар и не заметите. А в Бурундуковке...

– Рукавички передаются по наследству, – не выдержала я, – кладут их в приданое, почитают как драгоценность, держат в красном углу. Извини, но мы ведем разговор о носках! Никак не пойму их связь с резинкой.

– Ты не замужем! – заявил вдруг Генаша.

– Угадал, – согласилась я.

– Положит баба в корыто шесть носков, а вытащит пять. – Гена почесал в затылке. – Загадка природы, куда вечно один деваается. Моя Наташка чего только не делала. И в комочки смотает, булавками скрепит, отдельно от остального замочит, а всегда одно и то же: было шесть грязных, стало пять чистых.

– Резинка для того, чтобы носки не пропадали при стирке? – засмеялась я. – В принципе, неплохая идея. Но мало найдется хозяек, которые согласятся перед замачиванием

пришивать ее к ним, а после отпаривать.

– Одного раза хватит, – потер лопатообразные ладони Гена, – потом хоть сколько стирай. Если мужик будет пользоваться носкорезинами.

Я заморгала.

– Минуточку. А ты подумал, как их носить? Весьма неудобно ходить стреноженным.

– Демонстрирую! – торжественно, как церемониймейстер, объявил изобретатель и расстегнул ремень.

– Ты в уме, брат? – подпрыгнул Игорь. – Здесь женщина!

Но Генаша уже успел стянуть брюки и теперь стоял перед нами в темно-синих ситцевых трусах до колен. Я молча смотрела на красавчика. Судя по его исподнему, Бурундуковка действительно заповедное место, над которым ничто не властно, ни время, ни мода.

Гена сел на стул, живо разулся, схватил свое «изобретение», обмотал резинку два раза вокруг талии, потянул вниз пришитые к ней хлопчатобумажные носки, сунул в них ступни и встал.

– О! Ходить удобно, резинка при ходьбе растягивается.

Меня душил хохот.

– Ну, как? Оцени! – потребовал Генаша и стал вышагивать по кухне. – Топаю, ничего не мешает! Комфортно! Практично! Дешево! Экономно! Гениально! Не молчи, похвали!

– Как в твоей Бурундуковке обстоит дело с рождаемостью? – простонала я.

– Лично у нас с Наткой четверо детей, – гордо сообщил Генаша. – У соседей справа трое, слева – пятеро.

– У них света зимой нет, телевизор только местный канал показывает, – ухмыльнулся Игорь. – В Бурундуковке от тоски демографическая ситуация лучше, чем в Азии.

– А ты разве с братом не в одном селе живешь? – удивилась я.

– Упаси бог! – энергично замахал руками Игоряша. – У меня квартира в Енотове. Это районный центр, у нас есть музей, театр, кино, три ресторана, торговая улица, институт, где учатся будущие ветеринары, психологи и бухгалтеры, я там, кстати, преподаю. А почему ты интересуешься?

– Просто так, из женского любопытства, – стараясь сохранить серьезность, протянула я.

А про себя подумала: пусть уж лучше фирма «Эйн» назовет носочно-резиночный симбиоз идиотизмом, мне лучше промолчать. И про детей я брякнула не к месту. Представила на секунду сцену: вот ко мне приближается мачо, испытывающий горячее сексуальное желание. Скидывает рубашку, стаскивает брюки, я вижу «конструкцию»... И все, я зарыдаю от смеха, ночь любви накроется медным тазом.

– Носкорезины уже опробованы нашими парнями, – сообщил Генаша, натягивая мятые штаны. – У меня есть портфолио с отзывами. Хвалебными.

– Портфолио, – исправил ошибку брат.

Я прислонилась к подоконнику. Хм, вероятно, у бурунду-

ковских дам отсутствует чувство юмора.

– Завтра поедem в «Эйн», – объявил Генаша. – Получу деньги, куплю кой-чего для хозяйства, детям подарки, Наташке туфли или шапку из норки с хвостом, который с макушки свисает. Тань, знаешь, где такими торгуют?

– Непременно выясню, – пообещала я. – Вы пока тут устраивайтесь, мне на работу бежать надо.

– Плохо бабе без мужика, – от всей души пожалел меня Генаша, оглядываясь по сторонам. – Плинтуса, вон, кривые, дверь не по уму висит. Ну, ничего, я помогу.

– Думай о своем желании, – напомнил мне Игоряша, – и составь записки. Прямо сейчас! Мы поспорили, я выиграть хочу.

Мне пришлось достать бумагу и ручку.

– Ты слушай Игоря, – посоветовал Гена. – К нему народ демонстрацией идет, умеет брат заветные желания осуществлять. Мне помог.

– А чего ты хотел? – поинтересовалась я.

Гена смутился.

– Все у меня есть – семья, дети, дом, машина, хозяйство, поросята, телевизор. А тут, прям как ребенок, увидел в рекламе баллончик, из которого пена лезет для бритья, и так он мне на сердце упал... Попросил Наташку, сгоняй в Енотово, купи забаву. Жена для порядка поворчала, мол, не фиг деньги на ерунду переводить, есть хозяйственное мыло, оно для кожи полезное, а потом поехала. Вернулась с пустыми

руками, не завезли в райцентр пену баллонную, не пользуется она у местных спросом. Не поверишь, я так расстроился, словно чемоданчик с дрелью потерял. И тут брат предложил мне свою помощь. Не сразу у меня, конечно, получилось, потому что плохо с ви... зи...

– С визуализацией, зрительным представлением, – подсказал Игорь. – Генаша у нас человек земной, у него воображение не особо развито. Пришлось с ним почти шесть месяцев работать.

– Проще в Москву съездить, – пробормотала я, – в столице продаются принадлежности для бритья на любой вкус. Или по Интернету гель заказать.

– Нет в Бурундуковке Интернета, – напомнил Игоряша. – У них телефон на всех один, в конторе. И лететь нам ближе в Токио, чем в Москву.

– Короче, полгода я старался, наконец стал четко баллончик мыслями видеть, – похвастался успехами Гена. – А на майские праздники приехал к деду Филимонову внук из Москвы, навез старику подарков. Иван Сергеевич ко мне пришел и говорит: «Чудной Никитка! Припер набор в коробке: пена, одеколон, бритва и полотенце. Ну вот зачем он мне? Я ж с бородой! Хочешь, поменяемся? Ты мне свое радио отдашь, а я тебе взамен презент Никиткин». Сработала Игоряшина наука! Я себе любой приемник быстро соберу, дело нехитрое. Вот так моя мечта исполнилась.

– И твоя осуществится, едва цветок заколосится, – нарас-

пев произнес Игорь. – Полей его.

Я взяла кружку с водой и побрызгала на прутик, затем пошла в холл.

– Не думай о зайцах! – крикнул мне вслед Игорь. – Выкинь длинноухих из головы навсегда! Только деньги! Пачки! Чемоданы!

Перед моим мысленным взором мгновенно появился клетчатый саквояж, доверху набитый кроликами, аккуратно сложенными и перепоясанными банковскими лентами. Видение было настолько четким, что я увидела на бумажках круглые печати, цифру «100 000» и слова «Главбух Т. Булыгина».

– Скажи зайцам нет! – надрывался психолог из райцентра Енотово.

– Непременно, – пообещала я и поспешила на выход.

Глава 8

Гостиная Светланы была обставлена в стиле минимализма, и в отличие от худенькой, даже тощей Анны Маркеловой Потемкина оказалась крепко сбитой девицей. Бледное личико дочери Вероники обрамляла огненно-рыжая шевелюра и покрывала россыпь веснушек. Похожие на гречневые крупинки пятнышки усыпали шею и обнаженные руки.

– Извините за беспорядок, – испуганно произнесла Светлана, заметив, как я оглядываю груды бумаг на круглом столе. – Который час?

– Я опоздала на шесть минут, простите великодушно, – попросила я. – В городе пробки, рассчитать время на дорогу практически невозможно. Хотя это не оправдание, надо пораньше выезжать.

Света посмотрела на часы странной треугольной формы, стоящие на подоконнике.

– Не хотела вас упрекать, почему-то думала, что до семи еще далеко. Вы хотите побеседовать о Леониде? Извините, голова идет кругом – скорей всего я буду руководить фирмой, вот и пытаюсь сейчас вникнуть в дела. Мама когда-нибудь, вероятно, и допустила бы меня к управлению, но лет через двадцать, не раньше. Я работала простым дизайнером, мне давали самые примитивные задания. И вдруг...

Светлана обвела рукой папки:

– Жуть, да? Я просто закопалась в документах. Правда, не понятно пока, какая судьба ждет фирму, но я почему-то думаю, что стану ее хозяйкой. Хотите выпить чаю или кофе?

– Спасибо, ничего не надо, – улыбнулась я, – давайте поговорим.

– И мне помощница матери объявила бойкот, – продолжала жаловаться на свои трудности Светлана. – Ольга Ивановна уходит минута в минуту, никогда «до свидания» не скажет и не посоветует, как поступить. Приходится документы домой брать. Ольга-то в курсе всего, но ничего не объясняет.

– Увольте эту служащую, когда встанете у руля, – посоветовала я.

– Как? – поразилась Света.

– Приказом. Причину всегда найти можно. Тогда остальные побоятся открыто вам хамить, – сказала я.

– Но я пока официально не стала владелицей. А может, и не буду ею, возникли юридические проблемы. Да и маме такое решение не понравилось бы, – покачала головой Светлана. – Она с работниками возилась, как с детьми.

– У вас должен быть свой стиль руководства, не надо полностью копировать мать, вы не она, – произнесла я.

– Точно, – печально согласилась Светлана, – я не она. И данный факт мамочку злил. Ей хотелось в моем лице иметь свой клон, у нас с моего раннего детства напряги из-за этого случались. Извините, вам наши дразги неинтересны, а я после кончины мамы постоянно с ней мысленно беседую. Во-

обще-то мы не очень близки были, и сейчас мне горько от того, что я ей ничего уже не объясню, не скажу, как ее любила. Еще раз простите. Может, отложим разговор? Похоже, я не в лучшей форме.

– Вам просто некому выплеснуть свою боль, – сказала я. – Поверьте, я очень хорошо знаю, каково это – в одиночестве бороться с тоской. Если хотите, я готова послужить жилеткой. У вас остался кто-нибудь из родных?

– Ни единого человека! – Светлана всхлипнула. – Сначала ушел папа, потом мама, затем арестовали отчима. И с Аней мы по-глупому поругались.

Я решила повернуть разговор в нужном направлении.

– Вы считали отчима близким человеком?

– Леонид мне сразу понравился, – уныло пробормотала Светлана. – Вокруг мамы много мужчин крутилось, но все они делились на две категории. Одни хотели уютно жить за счет жены, никогда не работать, тратить ее деньги. Таких сразу видно, мама их живо вычисляла и пинком под зад выгоняла. Другие, как Николай Павлов, то есть богатые и со связями, сами все имели, но им требовалась покорная жена, семенящая за супругом. Они ждали от женщины полнейшего подчинения и собачьей верности.

Взволнованный рассказ Светы прервал звонок телефона. Девушка взяла трубку, и я услышала, как какая-то женщина кричит на Потемкину. Слов я не разобрала, но интонация была агрессивной.

– Что вы хотите? – пролепетала Света.

В ответ раздался визг. И, похоже, брань.

Девушка пару секунд сидела молча, затем отсоединилась и положила трубку на стол. Но та снова разразилась трелью. Светлана нагнулась и выдернула из розетки шнур.

– Скандальная клиентка, – с неохотой пояснила она, – недовольна отделкой своего магазина. Лучше б в суд подала! Но нет, раздобыла где-то мой домашний номер и предпочитает названивать, гадости орать. Хотя, я понимаю, телефон ей дали мои добрые коллеги. Люди такие странные! Я же рано или поздно получу права на фирму, зачем делать гадости? О чем мы беседовали? Ах да, о маминых кавалерах.

Света снова заговорила, и спустя некоторое время я заподозрила, что девушка тщательно подготовилась к нашей встрече. Она вовсе не забыла о ней, придумала речь заранее.

...С первым мужем у Вероники было полнейшее взаимопонимание по всем вопросам, кроме постели. Виктору от природы достался чрезмерно бурный темперамент, а Ника сексуальным радостям предпочитала ванну с ароматическим маслом. У пары была горячо любимая дочь и материальный достаток. Ника не хотела лишаться супруга, поэтому закрывала глаза на его «шалости» на стороне. Когда Свете исполнилось семь лет, родители приобрели огромный пентхаус и разъехались по разным спальням. Супружеская любовь трансформировалась в крепкую дружбу.

С большой долей вероятности Виктор и Вероника могли

дожить до золотой свадьбы. Жена не ограничивала похождения мужа, а тот помог ей основать бизнес и очень гордился, что она быстро отвоевала свой кусок рынка. Ничто не предвещало разрыва, но Витя неожиданно влюбился, как подросток. Его избранницей стала юная девушка из провинции. Красавица недрогнувшим голосом поставила условие:

– В постель лягу исключительно после свадьбы.

И Виктор развелся с Никой. Второй брак просуществовал менее года. Потемкин хотел вернуться к прежней супруге, но та спокойно отвергла его предложение.

– Лучше нам плавать автономно, – сказала она, – дружбе регистрация в загсе не нужна.

Сколько Светлана себя помнила, и отец, и мать пропадали на работе. Девочку воспитывала прислуга. Нет, ее не обижали, кормили-поили-одевали, возили на курорты. У Светы была большая комната, набитая игрушками, она посещала танцевальную студию, занималась фигурным катанием, увлекалась макраме, рисованием, в учебе была не последней, но и далеко не отличницей. В общем, росла нормальной девочкой, такой, как все. Это-то и злило Веронику. Та хотела, чтобы дочь походила на нее, имела ее характер и те же интересы.

В младших классах Свету стригли, как когда-то маленькую Нику, и внешне дочка была неотличима от мамочки с детских фотографий. Но на том сходство заканчивалось. Вероника отлично училась, имела большое количество дру-

зей, была лидером в классе, играла в волейбол, баскетбол, предпочитала командный спорт и всегда становилась капитаном. Глава октябрятской звездочки, председатель пионерской дружины, секретарь комсомольской организации школы, староста институтской группы, заводила, хохотушка, плясунья, любительница вечеринок – вот что такое Ника. Светочка росла болезненно тихой, стеснялась отвечать у доски, забивалась на последнюю парту и не пользовалась ни малейшим авторитетом в детском коллективе.

На четырнадцатилетие дочери Вероника задумала огромный праздник. Были приглашены все одноклассники именинницы и приятели Сухановой с детьми. Друзья Ники явились в полном составе, и лишь поэтому торжество состоялось. Из школы не пришел никто. Одновременно со Светиным был еще день рождения у Аллочки Беликовой, и ребята даже не сомневались, на какую тусовку идти.

Светлана совершенно не расстроилась, приятели из школы ее не волновали. Девочка любила проводить время одна, увлекалась чтением, ни спорт, ни походы, ни учеба ее не интересовали. А вот Вероника еле пережила унижение.

Вечером, когда гости удалились, мать вошла в комнату дочери и отчитала ту по полной программе. Притихшая Света слышала много «хорошего».

– Как моя дочь может быть лузером? – кричала Вероника. – Изгоем, никому не нужной особой, балластом коллектива? Как моя дочь может быть антиобщественной лично-

стью? Как моя дочь может быть не такой, как я? И почему?

Что могла ответить Светлана на эти вопросы? Она слушала мать, опустил глаза в пол, а Вероника расходилась все больше и в конце концов отвесила девочке оплеуху. Света заплакала, а потом от обиды выпалила:

– Ты злая крыса!

Мать неожиданно не рассердилась. Она развернулась и пошла к двери. На пороге обернулась и сказала:

– Запомни, лучше жить злой крысой, чем серой, сливающейся с землей мышью.

Этот знаковый скандал случился в конце мая, а на лето Ника отправила дочь за границу изучать английский язык. Не всякая семья может себе позволить поселить чадо в Лондоне на целых три месяца. Поступок Вероники вроде свидетельствовал о ее материнской заботе, о желании дать ребенку отличное образование. В аэропорту Светлану провожал Виктор.

– Поживи в Англии, – напутствовал отец, – посмотри на своих ровесников, сделай правильные выводы. Не огорчай маму, она обеспокоена твоим будущим, работай над собой, и жизнь наладится.

Света лишь кивала в такт его словам. Она-то отлично понимала: мать полностью разочаровалась в ней и не хочет видеть ее, путешествие в Великобританию – это изгнание.

И, похоже, девочка была права. За время каникул Ника ни разу не позвонила дочери, а когда та сама набирала номер

матери, разговор состоял из пары фраз.

– Светлана? – чуть удивленно произносила Вероника.

– Да, – отвечала дочь, которой в ту минуту казалось, что мама о ней забыла, а сейчас совершенно внезапно вспомнила и не очень обрадовалась. – У меня все хорошо.

– А почему должно быть плохо? – с нарастающим раздражением перебивала Суханова. – Живешь на всем готовом... У меня совещание, позднее побеседуем.

Когда «любезный» диалог произошел в третий раз, Света сообразила: мама не рада ей. И перестала звонить.

Желая наладить отношения, девочка пыталась матери понравиться: постриглась, как та, выкрасилась в темно-каштановый цвет, похудела. Но мама не замечала ее усилий. Нику бесила плохая успеваемость дочери и отсутствие у нее подруг. Чтобы добиться ее благосклонной улыбки, Света начала врать. По воскресеньям она убегала из дома пораньше, сообщая:

– Мы с друзьями едем на дачу.

А сама убивала время в одиночестве – ходила по музеям, в театры или просто шаталась по улицам. Каждый Новый год в институтскую пору девушка проводила на вокзале. Вероника справляла праздник в шумных компаниях и дочь с собой никогда не приглашала. Света же делала вид, что собралась веселиться с однокурсниками, наряжалась по полной программе, приезжала в зал ожидания и сидела там на скамейке до утра...

– У меня в детстве тоже не было друзей, – не выдержала я. – А родители постоянно выясняли между собой отношения. Любой праздник в нашем доме плавно перетекал в скандал. Но встречать Новый год в компании с транзитными пассажирами – это уже слишком...

Света вытащила из коробки канцелярскую скрепку и начала разгибать ее.

– Поймите меня правильно, я не страдала, просто приняла ситуацию такой, какова она есть. Если честно, я не понимаю, почему всегда оказываюсь в одиночестве. Да, я не люблю шум, громкую музыку и безудержное веселье, предпочитаю тихую беседу, хорошую книгу или умное кино. Таких, как я, много, но у всех есть свои стаи. Я же стою особняком. При одном из московских кинотеатров открыт клуб, там регулярно собираются фанаты Антониони, Феллини, Вуди Аллена. Вроде это моя среда, но нет, и там меня игнорируют. За свою не принимают и библиофилы, в социальных сетях на мою страничку не заглядывают... Наверное, что-то во мне не так. Поэтому я и обрадовалась, когда у мамы появился Леонид – он был таким же, как я, жил особняком.

...Леонид Петрович Маркелов коренным образом отличался от всех прежних кавалеров мамы. Настройщик не таскался по светским раутам, не посещал пафосные мероприятия, после работы сидел дома, играл на подаренном ему женой старинном рояле. Если Вероника отсутствовала, Света садилась в гостиную в кресло, вышивала на пяльцах и слу-

шала звуки, которые отчим извлекал из инструмента. Они практически не разговаривали. Иногда композитор спрашивал:

– Света, на что это похоже?

– Дождь идет, – отвечала девушка. – Музыка, как капли, тук-тук по крыше.

– Ты очень тонко чувствуешь основную тему, – говорил отчим.

И в груди Светланы разливалось тепло, в такие минуты она ощущала себя нормальным и даже талантливым человеком. Но с матерью отношения не налаживались. Хотя новый брак сильно изменил Нику – она горячо полюбила второго мужа и старалась не совершать чего-то, что не одобрил бы Маркелов.

«Леонид маму как заколдовал», – думала иногда Света.

Как-то девушка поднялась в пентхаус, вошла тихонько и увидела такую сцену: Леонид играет какое-то свое произведение, а ее мать... плачет. Светлана остолбенела от изумления. Никогда раньше Вероника не лила слезы. Да, она обожала музыку, даже хотела петь в опере, но не демонстрировала эмоций, посещая симфонические концерты. И даже с плохо скрытым презрением говорила о людях, которые сидят в консерватории с закрытыми глазами и покачиваются в такт мелодии.

– Прикидываются, изображают фанатов, – смеялась обычно мать, – хотят казаться настоящими интеллигентами. Мне

такие не по душе. Сплошная фальшь! На виду, на тумбочке у кровати держат покрытый пылью томик Достоевского, а в ящике десяток карманных изданий Смоляковой. Для поддержания имиджа ходят в Большой зал Консерватории, спят, скучают там, но пытаются изображать наслаждение от творчества Чайковского. Выползут на улицу, сядут в машину, а там из CD-плеера песня «Он ушел, а я рыдаю» звучит. Надо быть смелым, не пытаться произвести на людей выгодное впечатление, а жить так, как живет. Не нравится тебе Брамс? И не надо! Ты не стал хуже, если обожаешь эстрадное тру-ля-ля.

Но, похоже, настройщик изменил менталитет жены, теперь Ника не скрывала своих эмоций. Она потихоньку превращалась в другого человека.

Еще Вероника поняла, что Леонид очень любит свою дочь Аню. Отец не обнимал, не целовал, не хвалил девушку, на первый взгляд казалось, будто и не замечает ее. Но и Нике, и Свете было ясно: Аня для Маркелова свет в окне, а дочка обожает отца. Просто ни Анечка, ни Леонид не были демонстративными личностями, не выпячивали напоказ свои чувства.

Правильно оценив отношения в семье Маркеловых, Вероника перестала постоянно ругать Свету. Она хотела произвести на мужа наилучшее впечатление и даже стала регулярно устраивать семейные трапезы, во время которых была подчеркнуто ласкова с дочерью.

Глава 9

– Леонид изменил вашу жизнь к лучшему, у вас почти наладились отношения с матерью. Почему же вы придумали встречу с отчимом в ломбарде? – спросила я. – Анна утверждает, что вы недавно признались ей в оговоре.

Светлана закрыла лицо ладонями.

– Мне так стыдно! Я не думала, что Леню осудят! Понимаете, у мамы было обо мне неправильное представление. Она считала: я транжира; постоянно повторяла, что я мало зарабатываю, а запросы у меня слишком большие. Ой, если я начну перечислять ее претензии, мы до утра проговорим! Я один раз заикнулась: «Мамочка, дай мне в долг на машину, на самую дешевую». Что тут началось! Я услышала о себе много всякого, но основное обвинение звучало так: она никогда ничего не выпрашивала у родителей, все заработала сама, я же захребетница, спиногрызка и лентяйка. Но ведь сама мама не разрешила мне пойти работать, как она выразилась, «на чужую тетю», приказала сидеть в ее фирме. А мне там определили копеечный оклад, я получала меньше уборщицы и имела кучу проблем с коллегами, которые считали меня наущницей хозяйки.

– Вы просили Леонида взять деньги из сейфа? – перебила я Свету.

– Да, – прошептала та. – Стыдно признаться, на аборт.

Упустила срок, понадобились крупные средства. Представляете, какой бы скандал закатила мать, если б узнала, что я на пятом месяце беременности? Слава богу, я не тощая, она решила, что полнею от хорошего аппетита. Знаете, сколько надо денег выложить, чтобы избавиться от плода на большом сроке?

– Думаю, очень много, – кивнула я. – Врач ведь рискует не только своей карьерой, но и свободой. Отчим знал про аборт?

– Да, – кивнула Света, – мне пришлось ему сказать. Я очень просила Леонида не говорить маме, зачем мне нужны деньги. Сама я их взять не могла, боялась, а Леню... мама бы всегда оправдала. Только он возьми и заяви: «Да, я брал деньги несколько раз для Светы. Но никогда не сообщу, зачем они ей понадобились». И еще посмел, когда я его упрекнула, сказать: «Света, я не люблю лгать. Взял деньги? Да. Отдал тебе? Да! Но я обещал не рассказывать про врача и не обмолвился о том, на что ты их потратила, ни словом». Я-то полагала, он вообще обо мне промолчит. Предатель!

Света дернула плечом и примолкла.

– Значит, вы отправляли Леонида к сейфу не единожды? – уточнила я.

– Операция прошла не совсем удачно, – нехотя призналась девушка, – началось воспаление, я долго лечилась. Нехорошо, конечно, но я так разозлилась на Леонида! И вдруг увидела папины часы в ванной. Все как-то само собой

вышло: схватила их, сбегала в скупку за квитанцией, подсунула ее Лене, и тот поставил подпись, а взять его паспорт – проще простого... Ой, можно, я дальше не стану рассказывать? Поверьте, мне страшно стыдно!

Светлана снова закрыла лицо руками.

У меня на кончике языка вертелся вопрос: а куда делись деньги, которые ей дали в ломбарде за часы? Конечно, там отсчитали процентов десять от реальной цены, но когда вещь стоит пять миллионов, легко прикинуть, сколько упало в лапки девицы – пол-лимона!

На столе опять ожил телефон, на сей раз мобильный. Света взяла трубку и еле слышно прошелестела:

– Алло.

По мере того, как невидимый собеседник говорил, личико Светланы вытягивалось. Потом она сделала попытку пресечь беседу:

– Нет, я давно уехала из дома, поэтому городской номер не отвечает. Откуда у вас мой мобильный? Ну да, верно, это глупый вопрос. Я сейчас занята, давайте...

Похоже, ее перебили. Она замолчала, а спустя пару мгновений принялась монотонно бубнить:

– Ага, ага... да... ага, ага...

– Неприятные новости? – с сочувствием спросила я, когда Светлана положила сотовый на стол.

– После трагической кончины всех близких мне людей уже никакое известие не выведет меня из себя, – мрачно

сказала Света. – Не успел разнести слух, что, вероятно, я могу взять руководство маминой фирмой в свои руки, как стали появляться незнакомые люди и утверждать, будто они мои дальние родственники, хотят получить скидку на услуги или вот, требуют взять на работу, как эта особа. Представилась моей одноклассницей и ну частить: «Светочка, мы с тобой неразлейвода в школе были, всегда вместе на переменках ходили, я тебе контрольные по математике-физике писала. Сейчас хочу снова помощь предложить, я лучший специалист по тканям, готова возглавить в твоей фирме отдел текстиля для интерьера. Зарплата в сто тысяч для начала, ну и процент со сделок...»

– Неплохо, – улыбнулась я.

Света съежилась.

– Следовало жестко сказать: с одноклассниками я не дружила, вас вообще не помню, по математике-физике мне никто не помогал. Зачем я слушала нахалку? В какой аптеке можно приобрести лекарства «озлобин» и «пошли все на фиг»?

– Давайте разберемся с Леонидом, – остановила я Светлану. – Анна утверждает, что ее отец не совершал преступлений, следовательно, настоящий убийца ваших родителей гуляет на свободе. А еще Аня сказала, что вы звонили ей и...

– Ладно, ладно, – засуетилась Светлана, – вы правы, надо набраться смелости и выложить правду. Пожалуйста, поймите меня, я с детских лет пытаюсь побороть свои комплек-

сы, но мне до сих пор страшно показаться плохим человеком. Из-за этого я конформистка и всегда испытываю желание всем льстить. Мне крайне важно, чтобы все, даже совершенно посторонние люди говорили: «Света очень милая!» Совершив недостойный поступок, я никогда в нем не признаюсь. Это выше моих сил. Ах, как бы мне хотелось стать чуть-чуть похожей на вас! Вы красивая, умная, уверенная в себе, решительная, а я мямля, трусиха и врунья.

– Любая дорога начинается с первого шага, – приободрила я Потемкину. – Ну, попробуйте!

Светлана вздохнула, шумно выдохнула и решилась на откровенность:

– Я попала в жуткое, просто ужасное положение. Очутилась между молотом и наковальней, стою перед камнем с надписью: «Куда ни пойдешь – везде труба». Мамы нет на свете, и вроде теперь можно говорить откровенно. Только как открыть истину, если о мертвых – или хорошо, или ничего? Леонид в тюрьме, страдает невинный человек, но чтобы он вышел за ворота зоны, мне нужно раскрыть самую страшную тайну матери. А я не могу марать ее доброе имя. Круг замкнулся.

– Всегда лучше быть честной, – вздохнула я.

Света оперлась ладонями о столешницу.

– Чертова Аня! Я позвонила ей под влиянием минуты. Измучилась, вот и ляпнула, что отчим не виноват, а я подозреваю, кто преступник. Я представить не могла, что она в по-

лицию ринется.

– Наша бригада не подчиняется министерству внутренних дел, – уточнила я.

– Еще хуже! – напряглась собеседница. – Вы точно добьетесь до правды, все выплывет на свет божий!

– Верно, – согласилась я. – Поэтому лучше быть открытой.

– Аня дура! – зло выкрикнула Света.

– Маркелова хочет освободить отца, ее можно понять, – мягко сказала я.

– А я не желаю швырять в маму комья грязи, – зашипела девушка. – Мне совсем не безразлично, что о ней, пусть даже после смерти, напишут в газетах.

Я встала.

– Хорошо, я ухожу. Но мы будем работать, и все скелеты неизбежно выпадут из шкафов.

– Полагаете, мне нужно самой правду рассказать? – шмыгнула носом Светлана.

– Да, – кивнула я.

Дочь Сухановой поежилась, взяла со стола фотографию матери в вычурной резной и позолоченной рамке, совершенно не подходящей по стилю к минималистически оформленной гостиной, поцеловала ее, вернула на место и еле слышно произнесла:

– К сожалению, я не умею принимать решения самостоятельно. Я человек ведомый, бреду по жизни вслед за кем-то.

А если отваживаюсь действовать на свой страх и риск, получается такой салат... Да, я знаю, кто убил папу и мамочку, но открывать истину невероятно страшно. Надеюсь, не пожалею, что пошла у вас на поводу. Дайте честное слово хранить тайну, никому о ней не рассказывать.

— Увы, не могу, — ответила я. — Все, что вы скажете, узнают члены бригады, мы всегда обмениваемся информацией по делу.

— Коллегам можно, — разрешила Света, — но журналюгам никогда! Они всегда маму на прицеле держали, отцу проходу не давали, обо мне глупости писали.

— Мы постараемся, чтобы до прессы ничего не дошло, — пообещала я.

Светлана снова поежилась и наконец-то начала рассказывать.

...В институте Потемкина стала добровольным донором. Если откровенно, то Светлана не испытывала потребности помогать людям, она до дрожи боится уколов, но в учебном расписании был предмет под названием «История живописи», и преподавала его вредная старуха Эмилия Валерьяновна Орликова. Студенты боялись ее как огня, получить у нее четверку (о пятерке никто даже и не мечтал) было почти невозможно. На пересдачу экзаменов народ ходил к ней толпами. Уйти от бабки десять раз подряд с двойкой считалось нормальным. Эмилия Валерьяновна работала в институте всю свою жизнь, стояла у истоков его основания. Каж-

дому было известно, что нынешний ректор Сергей Петрович когда-то тоже учился у вредины и сам делал к ней не одну ходку с зачеткой во время сессии – в молодости Орликова тоже не отличалась добротой.

И вот однажды Сергей Петрович пригласил в свой кабинет двух студенток, Потемкину и Катю Симонову, и заявил:

– Предлагаю вам бартерную сделку. Хотите получить «хорошо» по «Истории живописи»? Если «да», то можете спокойно идти к Орликовой и отдать ей свои зачетки.

Девицы онемели от столь странного предложения, а Сергей Петрович продолжил:

– Небольшое условие: отметку вам поставят, если вы поедете в больницу и сдадите кровь для одной девушки.

– Нам надо стать донорами? – уточнила Катя Симонова.

Сергей Петрович слегка замялся, но потом решился на откровенность.

– У Эмилии Валерьяновны есть близкая подруга, а у той внучка Джулия, ненамного старше вас. Девушка тяжело больна, необходима кровь четвертой группы с отрицательным резусом и еще какими-то там особенностями. То есть очень редкое сочетание, почти уникальное. В нашем институте нашлось только два потенциальных донора – это вы. Очень прошу, помогите Эмилии Валерьяновне. У нее нет своих детей, она почитает Джулию за родную дочь и почти заболела от переживаний. Естественно, заставить вас я не могу, поэтому пытаюсь подкупить. «Четверка» по истории

живописи в обмен на нужное количество крови.

– Я так съезжу, – сказала Катя, – не надо мне незаработанных отметок.

И что оставалось делать Свете? Пришлось соглашаться и ей.

Так девушки оказались в муниципальной больнице. Потемкина попала в такую впервые (она-то посещала частную клинику) и была угнетена интерьером, мрачностью и нелюбезностью персонала. Кабинет, где брали кровь, от пола до потолка был облицован пожелтевшим от старости кафелем. Свету усадили на железную табуретку, медсестра неумело и больно всадила в вену иглу, а спустя продолжительное время буркнула:

– Свободна.

Через пару дней Светлану снова вызвали к ректору. На этот раз в кабинете Сергея Петровича сидела пожилая дама, которая при виде Потемкиной судорожно зарыдала и между всхлипами запричитала:

– Деточка, умоляю! Жизнь Джулии зависит от тебя! Хочешь, встану на колени?

– Не надо, – испугалась Света и в растерянности посмотрела на Сергея Петровича.

Ректор потер затылок.

– Светлана, познакомься, Раиса Демьяновна Крылова, бабушка Джулии, для которой ты сдавала кровь.

– Она умерла? – Света попяtilась, глядя, как по щекам

старухи рекой бегут слезы.

– Слава богу, нет! – воскликнул ректор.

Раиса Демьяновна неожиданно легко вскочила, схватила Светлану за плечи и закричала:

– И только от тебя зависит, выживет ли Джулия! Я готова на все, только помоги! Господь отнял у меня дочь Юлечку, зятя, я не переживу еще и смерти внучки. Умоляю! Сжался над нами!

Сергей Петрович оторвал пожилую даму от студентки, усадил ее назад в кресло и объяснил ситуацию. Кровь Кати по каким-то параметрам не подошла Джулии, а вот Светлана оказалась идеальным донором.

– Вероятность такого совпадения минимальна, – говорил ректор, – на всем земном шаре можно отыскать лишь несколько человек, от которых Джулии можно сделать переливание. Это невероятная удача, мистическое везение, что нашлась ты здесь, в Москве. Раиса Демьяновна лишилась дочери и зятя. Если ты не поможешь Джулии, Крыловой предстоят новые похороны.

И как бы вы отреагировали на такую информацию? Светлана дала согласие на новый забор крови.

Глава 10

На сей раз процедура выглядела иначе. Светлане велели забраться на каталку и привезли в комнату, где на подобии операционного стола уже лежала девушка. Когда медсестры наладили какую-то хитрую систему трубок, соединившую донора с больной, и ушли за стеклянную перегородку, Джулия неожиданно открыла глаза и шепнула:

– Спасибо.

– Не за что, – ответила Света, – лишь бы тебе помогло.

Похоже, Джулии было трудно разговаривать, потому что она ничего более не произнесла, но попыталась улыбнуться. Свете стало страшно. Кроме самой манипуляции ее напугала Крылова – Джулия выглядела умирающей, кожа у нее была серой, а рот походил на щель, в придачу у несчастной над верхней губой образовались глубокие морщины. Светлане очень хотелось спросить, не заразна ли Крылова, но она постеснялась, а потом подумала, что навряд ли человека, инфицированного СПИДом, вот так положат возле здорового, да еще будут проводить прямое переливание крови.

– Как тебя зовут? – тихо поинтересовалась Джулия, когда процедура окончилась.

– Света Потемкина.

– Можешь подойти? – прошептала больная.

Светлана уже поднялась и чувствовала слабость, но, пере-

силив себя, она приблизилась к каталке и вздрогнула. Нижняя часть лица Джулии была изуродована шрамами, которые издали походили на морщины.

– Не бойся, – еле слышно проговорила больная, – я родилась с волчьей пастью и заячьей губой, мне в детстве операции делали. Жуть, да?

– Я не заметила рубцов, – солгала Светлана, – испугалась твоей бледности.

Джулия пошевелила пальцами.

– У тебя есть родители? Как их зовут? Ты любишь маму с папой?

– Вероника и Виктор, – ответила Потемкина, – они в разводе. Конечно, я их люблю.

– Повезло тебе, – закрывая глаза, прошептала Джулия. – А мои родители умерли.

– Ты поправишься, – чуть не заплакала от жалости Света. – Не беспокойся, если надо, я буду в больницу хоть каждый день ездить.

– Хватит болтать! – оборвала их разговор медсестра. И скомандовала санитарам: – Увозите Крылову в палату. А ты, Потемкина, ступай в столовую, там тебе дадут полный обед, чай сладкий и булочку.

– Спасибо, есть не хочется, – отказалась Света.

– Это не предложение, а приказ, – отрезала женщина. – Донору положено бесплатное питание.

– Чем больна Джулия? – робко поинтересовалась Свет-

лана, когда они с медсестрой остались вдвоем. И получила странный ответ:

– Головой.

– Упала и ударилась? – не поняла Потемкина.

– Дурью мается, – зло буркнула медичка. – Покушение на самоубийство.

– Вау! – ахнула Света.

– Говорю же, дура, – подытожила тетка. – Тут все отделение из таких. Бросит их парень – несутся в аптеку, купят таблеток, сожрут разом кучу, а потом спохватываются. На мой взгляд, если захотела на тот свет уйти, так отъезжай спокойно. Но нет, идиотки в «Скорую» звонят: «Спасите, помогите, я самоубийца!» Глупостей наделают, испугаются и хотят, чтобы им жизнь сохранили. А врачи их откачивают, между прочим, бесплатно. Слишком у нас государство доброе! Надо закон принять: если ты умереть решила и передумала, то лечись за свой счет, по коммерческим расценкам, никаких льготных лекарств. Отдаст кретинка пару миллионов, в следующий раз крепко подумает. А то у нас в седьмой палате Стефаненко лежит, всем в отделении глаза намозолила. Зимой ее начальник отругал, так она на табуретку влезла и, когда шеф в кабинет вошел, на его глазах шагнула с нее с петлей на шее. Демонстрация сплошная. В апреле она с мужем разошлась, сожрала горсть пилюль и «неотложку» вызвала. Сейчас опять привезли – облилась бензином, орала, что подожжет себя. Да только про спички или зажигалку артистка

забыла, тогда и глотнула немного топлива. А бедные доктора за нее переживают... Такие мадамы всегда выживают. Тьфу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.